

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

НАД ЗАКОНОМ,

ИЛИ БРАТ ЗА БРАТА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Брат за брата

«ЭКСМО»

2001

Колычев В. Г.

Брат за брата / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2001 — (Колычев.
Мастер криминальной интриги)

Здоровая девушка – хороший товар, за который можно срубить нехилые бабки с богатеньких америкашек. Ведь человеческие органы – всегда в цене. Именно так рассуждал крутой мафиози по кличке Большой Папа. И все у него шло как по маслу, пока с ним не вступили в кровавый бой трое друзей, трое кровных братьев, поклявшихся отомстить за поруганную честь любимых женщин...

© Колычев В. Г., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	11
Глава вторая	16
1	16
2	23
Глава третья	29
1	29
2	39
Глава четвертая	46
1	46
2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Колычев

Брат за брата

Глава первая

1

– О-ой, не могу больше!..

Карина застонала в изнеможении, выгнула спину, впиалась ногтями в спинку кровати и обессиленно повалилась.

Андрей лег рядом с ней. Положил руку на ее попку – два упругих, идеальной формы полушария.

Карина. Странное имя для русской девчонки. Но без разницы, как ее зовут. Главное, Андрей еще никогда не обладал столь редкостной красавицей...

Конец апреля. Весенний призыв. Сборный пункт Черноземской области еще только начал свою работу. Андрей – офицер, капитан. Он приехал за молодым пополнением. И, конечно же, решил гульнуть на досуге. Парень он холостой, гусарская кровь в жилах бурлит.

Вместе с одним майором, таким же «покупателем», закатился в первый попавшийся ресторан. А там Карина с подружкой скучала. Красивая девочка. И сексуальная до спазма сосудов. Андрей почему-то принял ее за проститутку. И понял, что не простит себе, если не проведет с ней веселенькую ночь.

В общем, подкатился к ней. Подсел за столик. Сумел расположить к себе. Она проявила неподдельный к нему интерес. И взволновал он ее не как потенциальный клиент. Какие у капитана Российской армии деньги на дорогую проститутку? Почему дорогую – потому что дешевой быть она не могла. Не могла – и точка.

Деньги у Андрея водились. Он мог бы позволить себе ночь с Кариной. Хорошо, у него хватило ума не сказать об этом вслух. Но Карина как будто прочла его мысли.

– Мы сегодня с подругой решили развеяться. Просто в ресторане посидеть после работы...

– А где вы работаете?

– В банке помощником начальника кредитного отдела...

Вот так, никакая она не проститутка.

Подружка ее тоже что-то сказала о себе. Но Андрей пропустил слова мимо ушей. Для него существовала только Карина.

Ее тоже интересовал только он.

Из ресторана они уходили вместе. Он поймал такси, проводил ее до дома. И прозрачно так намекнул, что до сборного пункта пилить и пилить. Да и ждет там холодная кровать в неуютной гостинице. Карина засмеялась, шаловливо укорила его пальчиком: «Каков хитрец!» И пригласила на огонек.

Квартирка у нее однокомнатная. Но чертовски уютная и комфортная. Евродизайн, евро-мебель, евроуют. Наверняка не первый год в банке девочка работает и получает прилично.

Карина угостила Андрея чашечкой кофе с коньяком. А он предложил ей палку чая. Мысленно. Она не отказалась. Физически.

И вот уже третьи сутки он не выползает из ее постели...

– Знаешь, ты кто? – спросила Карина.

Она нежно провела ладонью по его животу. Все ниже, ниже... Ей всегда мало. Да и Андрей все никак не мог насытиться.

– Кто?

– Ты зверь. Натуральный самец...

– Нет, я просто робот. Ты слышала об андроидах?.. Вот я один из них. Я не знаю усталости, и у меня всегда колом... Пока не сядут батарейки...

– А если сядут?

– Поеду подзаряжаться.

– Куда?

– Места надо знать...

– Не хочешь говорить, не надо...

Карина не проявляла особого любопытства. Знала о нем то, что он офицер, что прибыл в Черноморск за молодым пополнением. И все. Семейным его положением не интересовалась. Даже не пыталась узнать, насколько сильно нравится ему. И сама не открывалась. Общалась с ним в основном на языке секса.

Андрей ей нравился – ежу понятно. Но нравился не как мужчина, с которым можно связать будущее. Он для нее – всего лишь машина. Живой робот для удовлетворения сексуальных потребностей. Она считала его красивым, мужественным, сексуальным. Иначе бы просто не пустила его в постель.

– Мне надо идти, – сказал он.

– Сегодня же воскресенье...

– На сборном пункте нет выходных... Но я ненадолго: на людей посмотрю, сержанта озадачу – и к тебе...

– И батарейки подзарядишь?

– Ну так...

– Тогда иди...

Но сначала – душ.

Нельзя сказать, что Андрей – ярый поборник чистоты тела. Бывало, неделями не мылся. И ничего, даже не чесался. Но если есть возможность, то рад купаться хоть через каждые два часа.

У Карины не ванная, а песня. Короткая мраморная ванна с золочеными ручками, душевая кабинка, стены с дорогим итальянским кафелем.

На кухне – стиральная машинка «Индезит», полный автомат. А это значит, что форма у Андрея выстирана. И выглаженная – но это уже чисто его заслуга. Карина ему в прислугу не нанималась. И дала это понять с первого дня их знакомства.

После душа, чистый, свежий, в выглаженной тельняшке и камуфлированных брюках, Андрей зашел в комнату к Карине. И обомлел. Потому что она была не одна.

В глубоком кожаном кресле сидел мужчина. Рыхлое невыразительное лицо, рачьи глаза, плешивая голова. Сам грузный, жирный, пузо выпирает.

Но держится по-барски вызывающе. Холеная рыха, дорогой костюм с блеской, на пальце массивный золотой перстень, на столике кожаная барсетка с золотыми замками.

– Этот? – небрежно ткнул он пальцем в сторону Андрея.

Наверняка «новорус» какой-то. Думает, если Андрей всего лишь офицер, с ним можно вести себя по-хамски. Эти новоявленные буржуйчики в большинстве своем наглые как танки. Если у тебя хоть на один доллар меньше, чем у него, ты – быдло, а он – кум королю. Ноги будет о тебя вытирать и при этом искренне думать, что так оно и надо...

– Познакомься, это Андрей... – в растерянности промямлила Карина.

Она сидела на постели. Голая. Но куталась в простыню.

– Да пошел он... – скривился незванный гость.

– Как этот живчик сюда попал? – игнорируя пренебрежение к себе, спросил у Карины Андрей.

Не могла же она открыть кому-то дверь в чем мать родила. Обязательно бы халат набросила.

– У меня свой ключ. – «Новорус» раскинул пальцы веером, выстроил зубы в шахматном порядке. – И вообще, вопросы здесь задаю я...

– Ты что, следователь?

– Не «ты», а «вы»...

– «Вы»... Пожалуйста! Я тебя сейчас отсюда вы-гоню, вы-швырну...

– Ни фиги себе! – Буржуй поднялся с кресла.

А вид у него внушительный. Под два метра ростом. И вширь порядком раздался. Только не мышцы под костюмом, а одно слоеное сало. Вонючее сало некастрированного хряка. Пузо как таран.

– Он меня вышвырнет, гы-гы!.. Ну-ну, давай, недоделок...

Сделал шаг вперед. Попытался схватить Андрея за грудки.

Драка не входила в его планы. Тем более Андрей знал, как ее предотвратить. Еще с детства уяснил. Он может ударить рукой – нужно эту руку остановить. Раз – и он ухватил одну руку «новоруса». Два – и вторую тоже задержал.

Буржуй мог ударить головой. Значит, нужно свою голову наклонить, подставить для удара лоб. Чтобы защититься от удара в пах, нужно развернуть корпус, подставить бедро.

– Эй, ты че делаешь? Ты че, баран?.. Че за детские приколы?..

Он прав. Это и есть детские приколы. Приемы из борьбы нанайских мальчиков. И бараном не зря Андрея назвал. Он держал грубияна за руки, блокировал ноги, низко опустил голову. И двигался вперед, как баран, рогом давил на него. Остановился, когда толстяк бухнулся в кресло.

– Ну ты бык, – возмутился «новорус». – Как танк прешь?.. Совсем дикий, да?..

У него больше не было желания брать Андрея нахрапом. Потому как по достоинству оценил его силу. Да и по комплекции своей Андрей далеко не хилак. Метр восемьдесят пять, в плечах косая сажень.

– Где ты такого нашла? – спросил он у Карины.

– Где надо, – вяло огрызнулась та.

– Я тебя из дерьма вытащил, работу дал, с квартирой помог... А может, я на тебе жениться собирался... А ты...

– Что я?.. Жениться он на мне собирался... Да ты на себя посмотри... Зажрался, раскабанел. Как свинья жирный, с тобой же рядом стоять противно...

«Новорус» сразу скис. Обмяк, как будто воздух из него выпустили.

– Спасибо тебе, Кариночка... – едва не заплакал он от обиды.

– Кушай на здоровье, Валентинчик!..

– Ухожу я от тебя...

Он тяжело поднялся со своего места. С побитым видом направился к выходу. По пути полоснул Андрея ненавидящим взглядом.

Карина сидела на постели. Как будто неживая. Не человек, а мумия. Только не желтая, а бледная как мел.

– Кто это был? – спросил у нее Андрей.

В ответ тишина.

– Не хочешь говорить, не надо...

Он начал собираться. Надел куртку, заправил ее в брюки. В прихожей натянул на себя десантные полусапожки.

– Это был Валентин...

Наконец-то услышал он ответ на свой вопрос. Хоть и с большим запозданием, но услышал.

– Ну и образина...

– Образина... Зато он добрый. И не жадный... И любит меня...

– Но ты ж его не любишь...

– Не люблю... А может, и люблю. Не знаю я. Ничего не знаю...

– А меня любишь? – спросил Андрей.

Но Карина не удостоила его ответом. Снова ушла в себя. Неужели убивается из-за этого слизняка?.. Сама нагрубила ему, сама погнала прочь. А теперь страдает... Андрей же для нее как бы и не существует. А ведь он молод, здоров. Далеко не урод, тело сильное, мускулистое... Попробуй пойми этих женщин...

Андрей оделся. Можно уходить.

– Ну, я пошел...

– Угу, – донеслось из комнаты.

Иди, мол, и не просто иди...

Напротив подъезда стоял роскошный джип. А в нем – Валентин. Один. Смотрит на Андрея через распахнутую дверцу и зло кривится.

– Подвезти меня хочешь? – спросил Андрей.

– На тот свет...

– Ты бы словами не разбрасывался. А то ведь могут рикошетом тебя же по голове стукнуть...

– А ты не умничай, да... Слишком ты борзой, вояка. Как бы жалеть не пришлось...

– Тебя, что ли, бояться?

– Да хотя бы меня. Пойдем поговорим...

– Не понял.

– Люди тут. Не дадут чисто по-мужски побазарить. Рядом гаражи. Там нам никто не помешает.

– Не боишься?

– Я-то?.. Тебе надо бояться.

– Ну пошли, поговорим.

Валентин выбрался из машины. И сразу попал в лапы к Андрею. Резкими, быстрыми движениями он ощупал его с головы до ног. Тот даже понять ничего не успел.

– Эй, ты чего? – ошалел от такой наглости «новорус».

– А вдруг у тебя ствол...

Ствола у него не было. Андрей проверил.

– Какой ствол? Ты че, мужик! У меня все по-честному. Я подлян не бросаю.

– Да верю...

А верил он ему напрасно. За гаражами Андрея уже ждали. Два высоченных мордovorота. Андрей обернулся. И увидел еще одного хмыря. Тоже крупногабаритной комплекции. Кулаки каждый по пуду, не меньше. Попадешь под такой молот – голова в туловище по самые уши уйдет.

– А говорил, у тебя все по-честному, – горько усмехнулся Андрей.

И с упреком глянул на буржуя. А тот злорадствовал, входил в кураж.

– А ты по-честному Карину у меня отбил?

– Я не отбивал. Она сама...

– И тебя никто бить не будет. Ты сам себя побьешь. Или даже убьешь. Тут уж как получится...

– Меня могут убить?

– Все может быть...

– Значит, все предельно серьезно.

– Вне всякого...

– Тогда я за себя не отвечаю.

Бой без правил. Один против троих. Противник очень серьезный, настроен предельно решительно. Андрея могут убить... Значит, и он может убивать...

Волна боевого азарта накрыла его с головой. Цивилизованный человек внутри его испугался трех мордovorотов и позорно ретировался. На его место пришел первобытный человек, неандерталец. Боец, охотник. И убийца.

Андрей превратился в сгусток боевой энергии. В этом состоянии он плохо контролировал себя.

– Ну, иди сюда, лохатор! – поманил его к себе первый громила.

Андрей послушно шагнул ему навстречу. Неуловимо быстро ударил. Кованый полусапoжек раздробил противнику колено, смял все нервные узлы. Страшная боль скрутила того. С диким воем он опустился на землю и закружил по ней волчком.

Второй мордovorот не стал ждать, когда его ударят. Сам нанес удар кулаком в голову. Если б Андрей не увернулся, его нос превратился бы в кровавый пузырь. Но он ушел от удара, поставил жесткий блок. И одновременно со страшной силой выбросил из-под себя ногу, послал ее за спину. Каблук тяжелой обуви точно нашел цель. И с силой болванки противотанкового орудия врезался в пах третьему крепышу. Тот так и не успел опустить свои «кувалды» на голову Андрею. Парализованный оглушительной болью, он состыковался с землей. И принялся грызть камни, как будто этим мог облегчить свои страдания.

Андрей в это время занимался вторым здоровяком. Захват, бросок через бедро, удар кулаком в солнечное сплетение. Его удар можно было сравнить с ударом молота по наковальне. Внутри громилы что-то треснуло, хлюпнуло. Он пару раз конвульсивно дернулся. И затих.

– Мама!.. – Кто-то за его спиной испуганно вспомнил о своей матери.

Это был Валентин. Он в ужасе пятился от Андрея. И смотрел на него, как обезноженный заяц на голодного волка.

– Теперь твоя очередь, хмырь? – хищно стрельнул глазами Андрей.

Боевой дух еще не оставил его. Цивилизованный человек еще не вернулся.

– Давай, один на один...

Никак не ожидал Буржуин проклятый, что Андрей не только по борьбе нанайских мальчиков спец. Не знал, насколько опасен он в смертельном бою.

Детдом с военным уклоном. Общая физическая подготовка под каторжными нагрузками, боевое самбо по усиленной программе, огневая подготовка. С раннего детства из него готовили машину для убийств. Затем военное училище, факультет спецназа. Все тот же рукопашный бой, боевая подготовка по спецпрограмме, жестокий курс науки выживания в огневом бою. В конце концов он превратился в ту самую машину. Экстремальная ситуация – и сразу выключается голова, начинают работать годами отточенные боевые рефлексy.

Сразу после училища – Чечня. Девяносто пятый год. Первая чеченская война. Андрею везло. Он всегда оказывался в эпицентре самых жарких боев. Жестокие схватки с «чехами» в открытых боях, разведывательно-диверсионные рейды в тыл врага. Каждый день он ходил под пулями, рисковал жизнью. Но выживал. Выходил невредимым из любой передраги. Как будто заговоренный. Прошел и огонь и воду. Приходилось убивать – без этого никуда. На войне как на войне...

После первой войны – вторая. Дагестан, ввод войск в Чечню. Снова бои, снова разведывательно-диверсионные рейды. Всю зиму и первую половину этой весны Андрей провел в горах. Он и его подчиненные сутками торчали в засадах на караванных тропах. Намертво перерезали коммуникации противника. Вырезали «чехов» нещадно. Их называли шайтанами. Потому что возникали они как будто из ничего. И сразу в бой. Не было от них никому спасения...

У Андрея три ордена. Могли бы дать и четвертый. Но вместо этого отправили в Черноземск. Не столько за молодым пополнением, сколько для отдыха. И он был благодарен своему командиру. Ведь здесь он познакомился с такой женщиной, провел с ней три чудных дня. А вместо тренировки для поддержания формы отмудохал трех телохранителей буржуя, возмнившего себя крутым. Сейчас и самому Буржуину достанется...

«Новорус» отступал. Андрей наступал. Но боевой дух его остывал, первобытный человек исчезал. Когда он наконец достал буржуя, человек цивилизованный уже взял бразды правления в свои руки. Поэтому Андрей не сильно ударил Валентина. Так, слегка коснулся. Но тот почему-то упал, на губах вспенилась кровь. И, кажется, пара зубов напрочь...

– Скотина! – услышал он женский визг.

Это была Карина. Она подбежала к Андрею, забарабанила кулаками по его груди.

– Ты не человек, ты зверь!..

Он только пожал плечами. А она оставила его и склонилась над «новорусом».

– Бедненький! – запричитала она. – Как же тебя изуродовал этот изверг!

Ну а Буржуин, значит, хороший. Трех псов на него натравил. А сам в сторону. Да, конечно, если бы Андрея убили, он бы ни в чем не был виновен. Ведь он даже пальцем его не тронул.

– Стерва, – тихо сказал Андрей.

Но Карина его услышала.

– Что?!

– Стерва ты... За него заступаешься. Только не говори, что тебе жалко этого хмыря. Не говори, что любишь. Все равно не поверю. Тебе не он нужен. Тебе деньги его нужны...

Может, он дал лишку. Обидел девчонку. Но ему было все равно. Ведь в принципе он прав. Карина любит секс. Для этого ей нужен Андрей. Но куда больше она обожает роскошь. Белокаменные хоромы, карета на уровне как минимум шестисотого «Мерседеса», драгоценности от Фаберже, наряды от Версаче – все это значит куда больше, чем любовь. А чтобы у нее все это было, ей нужен Валентин. И на Андрея она его ни за что не променяет.

Андрей может выйти один на один против десятка чеченских боевиков, в рукопашке сойтись на равных с целой сворой так называемых братков. Он сильный, смелый, ему горы по плечу, море по колено. Да только в глазах Карины настоящий мужчина не он. А Валентин. Он – слабый, рыхлый, сопливый, как баба. Но у него есть деньги, много денег. Поэтому он – мужчина. Андрей же для нее всего самец. Потому что его финансы поют романсы...

Это из-за таких, как она, крутость мужчины определяется не по силе его характера, не по крепости его тела и духа. А по толщине кошелька.

Андрею захотелось снова на передовую, в самое пекло боя. Кровь, пот, пороховая гарь, пыль, грязь. Зато там никто не оценивает твои финансовые возможности. Зато там ценят тебя за твои человеческие и, конечно же, боевые качества...

На сборный пункт Андрей отправился с вещами. К Карине он больше ни ногой. И постарается вычеркнуть ее из головы...

За три дня он смог сколотить группу из пяти крепких, физически здоровых призывников. Слишком высокие требования он предъявлял, слишком высокий процент выбраковки – не смог он набрать больше. Но ничего, для начала и этого хватит. Ведь призыв только начинается.

Завтра он отправлялся в Моздок. Там сдаст молодежь, а сам – к своим. Пахоты сейчас много. Горы зеленую покрылись, боевиков с воздуха плохо видать. А караванные тропы надо перекрывать. Поэтому работы у его боевой группы будет хоть отбавляй. Снова засады, снова перехваты, снова огонь и кровь...

2

Черноземск Андрею нравился. Много в нем притягательного. Красивый город, чистый. И зеленый. На каждом шагу скверики, парковые зоны то тут, то там. Легко здесь дышится, вольготно.

Завтра – поезд в часть. А сегодня он решил погулять по городу. Забрел в городской парк, нащупал взглядом небольшое открытое кафе, сел за столик, заказал пару пива, горку раков. В кафе он – единственный клиент. Или оно не пользовалось популярностью, или еще не время для посетителей.

Андрей сидел в гордом одиночестве. Пил пиво, трескал раков. И лениво посматривал по сторонам. Его внимание привлек новенький черный «Мерседес», остановившийся неподалеку от кафе, на перекрестке двух пустынных дорог. И тут же откуда-то появился навороченный джип. Застыл в каком-то полуметре от «мерса». Еще бы немного – и смял бы ему бампер.

Дверцы машин открылись почти одновременно.

Из «мерса» вышли трое. Крепенький мужичок-боровичок. Среднего роста, коренастый, светлые волосы коротко подстрижены. Держится гордо, независимо, степенно. Взгляд жесткий, волевой. При нем два парня. Телохранители. Похоже, братья-близнецы. Оба в строгих костюмах при галстуках. Напряженные, сосредоточенные. Настороженно зыркают глазами.

Из джипа выбрались двое. Мужчины в джинсах и кожаных куртках. Глаза воспаленные, лица какие-то изможденные, сами издерганные. На наркоманов со стажем похожи. И махровый налет уголовщины на них. Скорее всего уркаганы. И, понятное дело, достаточно авторитетные. Разве заурядные уголовники разъезжают на навороченных джипах?

Ветер дул от Андрея. Поэтому он не слышал, о чем шел разговор. Но видел, что обе стороны настроены достаточно агрессивно. Ему бы уйти от греха подальше. Но Андрей продолжал попивать пивко. И наблюдал за сценой.

Развязка наступила неожиданно. У парней в костюмах вдруг резко образовались пистолеты с глушителями. Выстрелов Андрей не слышал. Но видел, как задергались уголовники. Одному пулями разворотили голову, второму нащиповали свинцом грудь и живот.

Андрей плавно сорвался со своего места, быстрым крадущимся шагом подался назад. Но было уже поздно. Парни смотрели в его сторону. «Боровичок» что-то сказал им. Те кивнули и бегом бросились к Андрею, на ходу наставляя на него стволы.

Первые несколько пуль просвистели у него над головой. Но это как бы пристрелка. Еще мгновение – и его достанут. Он не мог уйти ни вправо, ни влево – не хватало времени. Зато позади него в полушаге дверь. Только она ведет в никуда – в кафешную подсобку. А там тупик.

Но у Андрея просто не было выбора. Он упал на спину, сделал кувырок назад, рывком сместил тело с линии прицеливания. Вовремя. В паре сантиметров от его головы пуля всколыхнула воздух. И этот знакомый противный и в то же время привычный визг рикошета.

Андрей подался в глубину узкого мрачного коридора. Толкнул рукой дверь. Есть, открыто. Он шмыгнул внутрь помещения. А им оказался обычный сортир. Вонючий до рези в глазах. Свет сюда проникал сквозь узкое и к тому же зарешеченное окошко. Через него Андрею при всем желании не выбраться.

Зато дверь прочная, дубовая. Открывается внутрь, а запирается не на щеколду, а на достаточно прочный засов. Он запер за собой дверь. И глянул вверх. Отлично, потолки достаточно высокие.

Он уже не просто человек. Он – человек-паук. Поэтому легко забрался под самый потолок, прочно закрепился на руках и ногах.

Кто-то с силой пытался открыть дверь. Но та не поддавалась. Тогда в ход пошли стволы. Дверь покрывалась беспорядочным узором из пулевых отверстий. Пули влетали в помещение,

врезались в рыхлую стену за унитазом, утопали в ней. Но ни один из боевиков не догадался выстрелить в потолок. Или тупые они, или слишком низкого мнения о противнике.

Андрей захрипел, изобразил предсмертный стон, затих – как будто застрелили его.

– Все, склеил ласты, – слышалось за дверью.

– Надо проверить. Ломай дверь...

– Кувалду надо...

Голоса за дверью затихли. Видимо, убийцы пошли искать кувалду. И, пожалуй, попутно пристрелят персонал кафе – неважно, сколько их там человек – один или десяток.

Андрей завис. Самым натуральным образом. Не в виртуальном мире компьютерной программы, а под потолком самого настоящего вонючего сортира. Вот-вот должны появиться телохранители боровичка и кувалдой снесут на фиг дверь. Что тогда делать?.. Если есть вопрос, то должен быть ответ. И он был. В момент созрел в голове Андрея, которая работала в экстремальном режиме.

Он падет на голову первого боевика, закроется его телом от второго. И вырубит сразу двоих. Лишь бы только третий не появился. Этот, мужичок-боровичок.

Прошла минута, две, десять... И наконец за дверью слышались чьи-то шаги.

– Никого, – слышался чей-то озабоченный голос.

– Только на кухне труп. И за стойкой бара...

Эти голоса принадлежали не боевикам боровичка. Какие-то другие люди разговаривали.

– Дверь в пулевых отверстиях... Закрыта... Может, за ней еще труп?..

– Давай, Смирнов, ломай...

Дверь содрогнулась под ударом кувалды минуты через три-четыре. Жалобно скрипнули сорванные петли, под грохот ударов дверь с треском накрыла унитаз. Освободился дверной проем.

Андрей мгновенно сорвался с потолка и нырнул в образовавшийся проход. Сшиб с ног одного, закрылся им как щитом и ударом ноги смял брюхо второму. И чуть не свернул шею первому. Вовремя сообразил, что перед ним человек в милицейском мундире...

* * *

– Ну ты, парень, даешь, – с укоризной качал головой крепко сбитый мужчина в потертой кожаной куртке. – Лейтенант Соловьев до сих пор без сознания. Сержант Смирнов едва заикой не стал...

– Так это, товарищ капитан, кто ж знал, что это наша родная милиция. Инстинкт врага чувствовал... – оправдывался Андрей.

Они сидели за тем самым столиком, за которым он недавно пил пиво и крошил раков.

– Инстинкт... Из Чечни, говоришь?..

– Из Чечни...

– Хорошо, что боевой навык наработан. Иначе бы одним трупом было больше...

Как и предполагал Андрей, телохранители боровичка перестреляли весь персонал кафе. Избавились от свидетелей. И только он один уцелел. К кафе не имел никакого отношения. Но свидетель, притом опасный.

– Как они выглядели? – тускло спросил опер.

Похоже, у него не было особого желания раскручивать это дело. Слишком темное. Наверняка в нем мафия замешана. А против нее милиция бессильна. Особенно местная.

Зато Андрей ничего не боялся. Он подробно описал приметы преступников. Ничего не скрывая, ничего не приукрашивая. Рассказал все, что видел.

Затем все то же самое надиктовал следователю из оперативно-следственной группы. Расписался в протоколе.

Отпустили Андрея поздно вечером. К воротам областного сборного пункта подвезли на ментовском «уазике». Капитан из уголовного розыска позаботился. Он же и сказал ему пару слов на прощание:

– Тебя завтра по повестке к следователю вызывают...

– Куда деваться... Придется отложить отъезд...

– А когда у тебя поезд?

– Утром, в одиннадцать...

– Ты смелый парень... Только мой тебе совет. Убирайся ты из этого города к чертям собачьим. И как можно быстрее. Иначе трупом станешь...

– Это что, угроза?

– Угроза. Но не с моей стороны. Я-то против тебя ничего не имею. Но догадываюсь, кому ты перешел дорогу. И не удивлюсь, если завтра возле прокуратуры тебя будет поджидать снайпер...

– Ерунда, прорвемся. В Чечне вон на каждом шагу снайперы. И ничего, жив до сих пор...

– Черноземск – это не Чечня. Это хуже. По секрету тебе скажу, капитан. Вчера начальника областного РУБОПа арестовали. Из-за взятки. Обвинение сфальсифицированное, можешь мне поверить. А все потому, что Алексеев – человек чести... Сильный человек. Но течение, против которого он шел, сильнее оказалось. Сломали его... В общем, капитан, я тебя предупредил. А ты уж поступай как знаешь. И даже хорошо, если поможешь следствию... Ну все, бывай...

Они пожали друг другу руки. Опер запрыгнул в машину. Андрей подошел к воротам контрольно-пропускного пункта. Забарабанил в железную калитку. Она открылась немедленно. В проеме образовалось испуганное лицо солдата.

– Пропуск! – потребовал он.

У Андрея пропуск был. Но за все время его потребовали впервые.

– Что-то случилось? – спросил он у солдата, протягивая ему прямоугольник картонки.

– Ага! – кивнул тот. – Начальство пожаловало. Два генерала. Говорят, из Генштаба...

– Да ну... Какого им тут хера делать?

– Не знаю... Но они сейчас в баньке. С девочками...

– А-а...

На территории сборного пункта, неподалеку от КПП, красовалось белокаменное здание. Сауна для высокого начальства. Андрей слышал, что внутри там все на самом высшем уровне. Если в гарнизон какое начальство прибывает, вечером его туда везут. Девочки, водочка, икорка – это само собой. Ну что ж, генералы тоже люди. Ничто человеческое им не чуждо...

Андрей прошел через контрольно-пропускной пункт. Только ступил ногой на плац, чтобы идти к гостинице. И тут чей-то властный голос:

– Товарищ военный, подойдите сюда!..

Он обернулся. В круглой деревянной беседке сидели люди. Огоньки сигарет, приглушенный женский смех.

– Да-да, вы. Подойдите сюда!..

Уже не усомнишься, что это зовут именно его, а не кого-то другого.

В беседке сидел генерал. В расстегнутом кителе, без галстука, руки широко разведены в сторону – на деревянных бортах покоятся, одна нога по-барски заброшена на другую. В зубах дымится сигарета.

– Товарищ генерал-майор, капитан Северцев по вашему приказанию... – на всякий случай вяло отрапортовал Андрей.

И так же вяло приложил руку к головному убору. И вовсе не потому, что считал себя героем войны, а этого генерала – тыловой крысой. Просто рядом с генералом сидели две какие-то девки. Рожицы симпатичные, но явно блядские. Размалеванные, как ведьмы, ноги

под короткими юбками открыты по всей длине. Они пьяно смотрели на Андрея и подленько хихикали.

– Резче, капитан, нужно честь отдавать. Резче... – с вальяжной улыбкой дал поучение генерал. – Как этого устав требует...

Сам-то он навстречу Андрею не поднялся. Даже позы своей разгильдяйской не изменил. Развалился, как барчук, перед телками рисуется.

– Вы, наверное, товарищ капитан, забыли, что служите в Российской армии? Про честь офицера, наверное, тоже забыли?..

Похоже, он решил устроить показательный разнос. Показать шлюхам, какой он крутой.

Молодой генерал. Явно «позвоночный». Из тех, которые по звонку сверху служат. Позвонят из Генштаба: надо на майорскую должность сынка моего поставить. Не вопрос. Через пару-тройку лет снова звонок: а не пора ли на полковничью должность? Да и звание очередное досрочно пора присвоить. Вот так и растут «позвоночные» вояки, до генеральских звезд поднимаются. Всю жизнь по паркету проходят. И даже не знают, каким концом лопаты окоп роется. Про свист пуль над головой и говорить нечего...

– Про честь офицера я не забываю никогда, – с гордостью сказал Андрей.

И показал рукой на орденские колодки на левой стороне груди. Только вряд ли этот домогренный генерал разбирается в них. У самого почти десяток наград – но все это юбилейные медали да за выслугу лет. И у других, он думает, такая же мишура.

– Два ордена Красной Звезды и два ордена Мужества, – объяснил Андрей. И добавил с упреком: – Если, конечно, вам это что-то говорит...

– А вот этого не надо!

Как ужаленный генерал подскочил со своего места. И замахал указательным пальцем перед носом Андрея:

– Не надо орденами прикрывать свою личную недисциплинированность. Вы, капитан, наглец, вы хам и... и...

От негодования генерал не находил слов.

– Я воин, товарищ генерал. Только что из Чечни, с передовой. И завтра туда возвращаюсь... А вас, между прочим, я в Чечне ни разу не видел...

– Я еще разберусь с вами, товарищ капитан, – брызгал слюной генерал. – Я еще разберусь, из какой такой Чечни вы взялись...

– Как это: из какой такой? Чечня у нас одна... Или вы впервые слышите о ней?..

– Товарищ капитан! Что вы себе позволяете? Как ваша фамилия, говорите?

– Капитан Северцев...

– Ничего, я еще с вами разберусь. И никакие ордена вам не помогут!.. А теперь кругом!..

Этот паркетный выкидыш еще и команды из строевого устава знает. Андрей скептически усмехнулся. Но кругом повернулся.

Хоть и оранжерейный этот генерал, но он старше его по званию. Хоть и нахамил он Андрею порядком, но команды его надо выполнять.

Идиотов хватает везде. И среди младшего, и среди высшего командного состава. А идиотизм – это болезнь. Лечить его – дело врачей. А дело Андрея – обходить этих идиотов стороной. Чтобы самому этой дурной болезнью не заразиться.

– Пшел вон отсюда, плебей! – рявкнул генерал.

А вот подобное поведение ни в какие рамки не вписывается. Это – даже не идиотизм. Это – циничное презрение к российскому офицеру. Далеко не всякий гражданский человек позволит себе такое. А тут армейский генерал вытирает ноги об офицера, нагло топчет его достоинство.

Если это тоже болезнь, то для ее излечения требуется хирургическое вмешательство. Необязательно врачебное.

Впрочем, ни о какой операции Андрей сейчас не думал. Возмущенный до глубины души, он потерял контроль над своими мыслями. Резко развернулся к генералу лицом и схватил его за грудки.

– Что ты сказал? – раненым зверем заревел он.

У барина в генеральских погонах глаза от страха из орбит повывлезали.

– Что вы себе позволяете? – возмущенно пролепетал он.

– Запомни, гнида! Я – не плебей, я – боевой офицер! Это не на твоих погонах растут твои звезды. Они растут на моей крови. На крови моих боевых братьев. А ты, мразь, на меня свое поганое рыло раззявил!.. Крыса!!!

Андрей и сам не понял, как у него это вышло. Опомнился только, когда генерал с треском вылетел из беседки и растянулся на взрыхленном грунте палисадника.

Инцидент обошелся без последствий. Генерал, видимо, осознал свою вину. Не стал никому докладывать. Во всяком случае, утром следующего дня репрессии на голову Андрея не обрушились.

Документы на группу и сухпай в дорогу были у него уже на руках. Его погрузили в автобус вместе с командой мотострелков, повезли на вокзал. Через два часа он уже сидел в поезде.

О том, что ему нужно было сегодня явиться в прокуратуру, Андрей напрочь забыл. Случай с генералом выветрил из головы обязательство перед следователем. Да и потом, билеты на поезд были уже куплены. Вряд ли стали бы откладывать рейс из-за него...

Глава вторая

1

Телевизор. Пиво. Чипсы. Три фактора счастья. Каждый вечер Олег удобно устраивался в кресле перед телевизором, ставил перед собой двухлитровку «Очакова», вскрывал первый пакетик чипсов – и понеслась душа в рай. С этого момента для него переставало существовать все. Вероника оставалась. Но не в качестве молодой симпатичной женщины, а отстойника для комментариев. Она обязана сидеть рядом с ним в кресле или на диване. Соглашаться с ним во всем. И смеяться, если смеется он.

– Во, во губернатор наш... Бульк-бульк... Ничего мужик, в натуре... Хрсь-хрсь...

На экране «Панасоника» крупным планом высветилась откормленная физиономия областного главы. В глазах – самоотверженность истинного патриота, в здоровенном кулаке – незримый меч, карающее оружие в борьбе с беззаконием. И в устах, само собой, пламенная речь поборника справедливости.

Только Вероника не слышала, о чем именно говорит губернатор. Во-первых, Олег заглушал его своей трепотней. А во-вторых, ей было все до лампочки. Жизнь давно отучила ее верить демагогам всех мастей и рангов. Она вообще ничему не верила. Только себе, и то с трудом.

– Бульк-бульк... Хрсь-хрсь... Дмитрич – свой человек. Если он что сказал – железно... Олег говорил. Вероника делала вид, что внимает каждому его слову.

– Ну, понятное дело, на одну зарплату он не живет. Да кто сейчас может прожить на одну зарплату?..

Я могу, хотела сказать Вероника. Но разумно промолчала. Потому как спорить с Олегом бесполезно. Да и зарплату она давно не получала, потому как уволилась с работы.

– Хрсь-хрсь... Дмитрич на своем месте, не вопрос. Он свое дело знает. Все у него путем... Бульк-бульк... У нас в Черноземске самый высокий показатель раскрываемости преступлений. Ты только подумай: самый высокий...

Веронике пришлось изобразить восхищение. Только какое-то кислое оно вышло.

– Бульк-бульк... Одно в Дмитриче не в кайф. Зажирел он конкретно. Смотри, какую ряху отъел! А пузо – ваще писец. Пудов на десять мужик тянет, не меньше... Ха-ха... Бульк-бульк... Хрсь-хрсь...

– Зажирел, – кивнула Вероника.

Только в отличие от Олега она не по губернатору проехала, а по нему самому. У него самого ряха не меньше, и задницу отъел – будь здоров. Пузо еще то, третья степень «зеркальной болезни». Без зеркала даже с наклоном яиц своих не увидит... Еще бы, каждый день выжирать столько пива под килограммы чипсов.

У Олега свой магазин, дела у него идут хорошо. Настолько, насколько плохо у Вероники. Вернее, дела у нее вообще никак не идут. Работала официанткой в кафе – пахоты много, а зарплата и чаевые – курам на смех. Жилье – койка в комнате на троих в грязном убогом общежитии.

Последнее время она жила с Олегом. Уже три месяца с ним. Но тот и не думал делать ей предложение. Днем на ней – готовка, уборка, вечером – подставляй уши, ночью – другие части тела. Она старалась, ублажала Олега. Но при этом никакой перспективы на будущее. И никакой выгоды в настоящем. Самое большее, что подарил ей Олег, – это букет цветов, и то не самых дорогих. Ну да, конечно, он же разрешает ей жить с ним в его трехкомнатной квартире. Сегодня разрешает, а завтра – пинка под зад коленом...

На-до-ело!..

Олег пил пиво, смотрел телевизор, умничал. Она механически кивала, как будто соглашаясь с ним. А сама думала о своем, о невеселом женском. Не замечала, как летело время.

– Эй, ты что киваешь? – вырвал ее из транса необычно громкий голос Олега.

Краем глаза Вероника глянула на телевизор. Голые тела, постановывания, стоны.

– Сюда иди! – поманил ее к себе Олег.

Порнушку поставил, возбуждился. А Вероника должна ублажить его. Он будет пить пиво, хрустеть чипсами, смотреть на голых баб. А она – стой перед ним на коленях, старайся, чтобы ему было хорошо. И наплевать, как ей самой – нравится все это или нет...

Вероника посмотрела на него. Толстый, потный, морда красная, шары навывкате. И еще «хозяйство» свое из штанов вывалил. Давай, Вероника, начинай...

К горлу подступила тошнота.

– Не пойду, – покачала она головой.

Да как она вообще могла спать с этим мерзким слизняком? От него же блевать хочется...

– Че?! – изумленно протянул он.

Есть чему удивляться. Вероника для него – рабыня, вещь для удовлетворения его прихотей. Она не должна ни от чего отказываться. Он привык к этому.

– Через плечо, не горячо? – начала заводиться она.

– Че ты себе позволяешь? – возмутился он.

– Да пошел ты!..

Она встала с дивана, вышла из комнаты.

– Эй, ты куда?

– Надоел ты мне. Ухожу...

Как будто только сейчас поняла Вероника, насколько ей остопротивел этот пивной хряк. Даже если бы он кинулся за ней, упал бы в ноги, попросил у нее руки и сердца, даже тогда она бы не изменила своего решения. Она уходила от него решительно и бесповоротно.

Вещей у нее – раз два и обчелся, сборы были недолгими. В прихожей она надела плащ, влезла в старые заношенные туфли.

Олег продолжал сидеть в кресле. Как ни в чем не бывало потягивал пиво, хрустел чипсами. Столь пренебрежительное отношение к ее уходу задело Веронику.

– Я ухожу... – громко сказала она.

– Ну и дура! – Олег даже не повернулся к ней.

Ему было абсолютно все равно, уходит она или нет.

Вероника чуть не расплакалась. Потому что остро осознала свою никчемность. Никому она в этом мире не нужна. Никому. Родителей нет, братьев, сестер, бабушек – тоже. Дальние родственники не в счет, потому как даже не подозревают о ее существовании.

Ей уже двадцать. На внешность она очень даже ничего. Но все равно никому не нужна. У нее были мужчины, но все они почему-то бросали ее. Как будто на роду у нее невезенье написано. Венчик безбрачия, что ли. Олег – первый мужчина, от которого она уходила сама. Но тот даже не пошевелился, чтобы остановить ее.

Никому она не нужна. Никому...

Ночь. Но город еще не спит. Черноземск – крупный областной центр, огромный город, без малого миллион жителей. Большой промышленный и культурный центр. В городе порядок. На улицах чистота, деревья аккуратными рядами, все фонари горят. Даже ночью гулять можно – малая вероятность нарваться на злодеев. Прав Олег, мэр города и губернатор сдерживают разгул уличной преступности.

Только Вероника не рискнула идти в общежитие пешком. Невезучая она. Неприятности сами валятся на ее голову. Кто-то ночью через весь город протопает – и ничего. А ей всего три остановки пройти – обязательно кто-нибудь пристанет. Денег у нее нет, драгоценностей тоже

– нечем грабителям поживиться. А вот изнасиловать могут. А потом убить... Нет, уж лучше трамвая дожждаться.

В общежитие она приехала к полуночи. Двери уже закрыты. Вахтерша спит. Но не ночевать же ей на улице! Вероника забарабанила в дверь.

– А-а, Гольцева, – узнала ее заспанная вахтерша. – Давно тебя не было.

– В командировке была, – соврала Вероника.

– Не знаю, не знаю... Но место твое уже занято.

Как будто что-то оборвалось внутри.

– Как это занято? – возмутилась Вероника.

– А ты передо мной тут руками не маши! – нахмурилась вахтерша. – Я тут ни при чем.

– Извините, Кирилловна...

– Переночевать есть где?

Вероника убито покачала головой.

– Ладно, проходи. Сегодня суббота, многие по домам разъехались. Найдем место.

Место нашлось в ее же комнате. Девчонка, которую поселили сюда вместо нее, уехала к родителям в деревню. Зато Ирка, как всегда, здесь. Мать у нее умерла год назад, а отец – беспробудный пьяница, где-то сейчас бомжует. Родственные души они, Ирка и Вероника.

Ирка уже спала. Но не возмутилась, когда появилась Вероника. Напротив, обрадовалась.

– А-а, блудная душа! – вскочила она с постели.

Довольно-таки симпатичная девчонка. Только бы ей вкус к модной одежде привить, научить ухаживать за собой. Ну еще килограммов десять-пятнадцать сбросить. Цены б ей тогда не было. Ленился Ирка за собой следить. Катится жизнь вперед – и ладно. А то, что под откос ее вагон может сойти, – над этим она почему-то не задумывается.

– Приблудная, – поправила ее Вероника. – Переночевать пустишь?

– Она еще спрашивает!.. Только завтра Клуша приедет...

– Кто-кто?

– Да соседку мою Глашей зовут. А я ее Клушей называю. Потому что она клуша и есть...

Хотя тебе-то какая разница?

– Вот именно... Мне бы ночь переночевать...

– А дальше?

– Дальше не знаю. Из общаги-то меня выселили...

– Ну и хрен с этой общагой!

– Тебе хорошо говорить.

– Да я сама завтра отсюда сматываюсь.

– Выселяют?

– Выселяюсь.

– А на твое место кто-нибудь есть? – мгновенно среагировала Вероника.

– Ха-ха-ха!.. Я тебе сейчас такое скажу, что ты не захочешь на мое место!..

– Что, злой дух в углу поселился?

Никаких духов, никаких привидений в этой жизни Вероника не боялась. Ее страшила сама жизнь. Никчемная, необустроенная, жестокая...

– Не злой – добрый!.. Я работу себе нашла. Отличную работу. Триста семьдесят долларов в неделю... Ты только вдумайся, триста семьдесят в неделю. А в месяц полторы тысячи долларов...

В душе у Вероники шевельнулась зависть. Тысяча пятьсот долларов в месяц. После августовского кризиса это невероятно огромные деньги. За год можно и квартиру отличную в центре города купить, и обставить ее.

– А не врешь? – спросила она.

Хотя видела – Ирка не врет.

– Да провалиться мне на этом месте!.. Только мороки много будет. Заграничный паспорт оформить, визу сделать.

– Работа за границей?..

– Ну да. Где ж в нашем российском сраче такую работу найдешь?.. Короче, работа в Америке, на хлопковых плантациях.

– Где-где?

– В Америке.

– На хлопковых плантациях?.. Ты хоть представляешь себе, что это такое?

– Еще как представляю. В прошлые века рабы из Африки на этих плантациях вкалывали. А сейчас негра на них не заставишь работать. Труд каторжный... Но за просто так никто тебе платить не будет. Полторы тысячи в месяц при полном пансионе. Да через пару лет я домой богачкой возвращусь.

– Если не сдохнешь...

– Не сдохну. Потому что, если со здоровьем проблемы, на эту работу не возьмут. Медкомиссию я не прошла. Но я и без того знаю, что со здоровьем у меня никаких проблем.

– Подожди, ты и медкомиссию не прошла. Паспорта заграничного у тебя нет. А уже завтра куда-то отправляешься.

– Ага, думаешь, тебя так сразу за границу и отправят? Организация серьезная. Прежде чем в Америку отвезти, нас всех в одном месте соберут. Медкомиссию, ликбез по английскому пройдем...

– А где соберут?

– Ну, я не знаю, не говорили.

– А не обманут? Сейчас ведь на каждом шагу врут.

– Ха-ха!.. Если бы куда-нибудь в фотомодельное агентство приглашали работать, тогда я бы еще подумала. Пригласят фотомоделью поработать, а завезут куда-нибудь в бордель. И махай там передком за бесплатно. Или даже обычная работа – секретаршей там в каком-нибудь офисе – тоже брехня. Я ж не дура – понимаю, что в Америке на тепленькие места своих желающих вагон плюс тележка. А вот хлопковые плантации – это да, туда работать дураков нет. В прошлые века негров из Африки завозили, а сейчас баб из России...

– Трудно будет...

– Трудно. Но уж куда лучше, чем в горячих цехах за копейки вкалывать. Ничего, потерплю. Зато с деньгами домой приеду. Квартиру куплю, машину... Заживу!..

Полторы тысячи долларов при полном пансионе – это огромные деньги. Ради такого заработка можно вычеркнуть два-три каторжных года.

– Слушай, Вероника, я это к чему все говорю? А давай вместе в Америку махнем!..

– А возьмут?..

– У тебя что, проблемы со здоровьем?

– Да нет вообще-то...

– А желание?

– Да можно было бы...

– Ну тогда о чем разговор?.. Завтра пойдем вместе. Я тебя с Пашей познакомлю. Он менеджер в агентстве. Думаю, ты ему понравишься. Ну так что?

– А что, попытка не пытка.

Всю ночь Веронике снился один и тот же сон. Бескрайние плантации, палящее солнце, выгоревшее небо, надсмотрщики на лошадях, она, рабыня, загнущаяся «раком». И чей-то голос – громкий, зычный. «Работайте, негры, солнце еще высоко!» А потом появляется туча. Все радуются – будет дождь. Но вместо влаги на землю сыплются доллары. Радости еще больше. Рабы бросаются ловить деньги, стучаются лбами, начинают драться. Вероника шустрее всех.

Она собрала кучу денег. Только почему-то вместо зеленых купюр у нее в руках оказываются красные десятирублевки с изображением Ленина. В России такие деньги уже давно не в ходу...

– Чует мое сердце – ничего мы не получим, – сказала она утром. – Обманут нас...

Деньги недействительные, да еще красные. Как будто кровь на них... Но не значит же это, что кто-то жаждет их с Ирккой крови. А может, и жаждет... Страшный сон, угнетающий...

Но к какому-то Паше Вероника все же пошла. В конце концов, она вполне современная девушка, а не какая-то суеверная деревенщина, чтобы верить в сны.

Вероника думала, что Ирка приведет ее в офис какой-то фирмы. Но Паша ждал их возле общаги. Он стоял возле изрядно заезженной «девятки» и курил.

– Чего так долго? – недовольно спросил он у Ирки.

– Да пока собралась... – Для убедительности она показала на два толстых чемодана.

– А это? – кивнул он на Веронику.

– Это подруга моя... Паша, а можно, Вероника тоже со мной?

– Ты что, на курорт едешь?

– Да Вероника здоровая девчонка. Она все выдержит...

– Что, и слона выдержит?..

– Какие в Америке слоны?

– Да это я так, – ухмыльнулся парень. – К слову...

– Паша, ну так что, берешь?

– Какая ты быстрая... Работа тяжелая – каторжная, можно сказать. Климат непривычный.

А вдруг загнется?.. В общем, письменное разрешение от родителей, раз...

– Какие родители? – перебила его Ирка. – У нее нет родителей. Сирота.

– Да? – Паша с интересом посмотрел на Веронику.

Как будто какие-то шестеренки закрутились в его голове.

– А бабушка там, дедушка? Братья, сестры?.. Перед кем отчитываться, если вдруг что?

– Нет у меня никого, – насупилась Вероника.

Не нравилось ей это «если вдруг что».

Зато Паше, похоже, нравилось уже все. Взгляд загорелся. Как у охотника, увидевшего дичь.

– А собеседование? – спросил он.

– Да пойми ты, Веронике жить негде. Ее из общаги выселили.

– Что, вообще негде?

Паша смотрел на нее откровенно оценивающим взглядом.

– Ни кола, ни двора...

– Ну, если так, то поехали. Надо ж человеку помочь.

Он даже проявил галантность. Взял у Вероники сумку, уложил в багажник. Туда же легли Иррины чемоданы.

– Только учти, Ника, – уже в машине сказал Паша. Он сразу и на свой лад переименовал ее имя. – Если по здоровью не пройдешь, пеняй на себя...

Он проехал совсем немного. Остановил «девятку» возле другого общежития. В машину села еще одна девчонка. Также с вещами. И в тонком плаще.

– Долго ты, Паша, – с упреком сказала она. – Холодно, замерзла.

– Ничего, в Луизиане согреетесь. Там сейчас жарко.

– В Луизиане? – спросила Вероника.

– Ну да, это южный штат Америки. Там и будете трудиться во славу чужого отечества...

– Паша, не трави душу! – не попросила, а скорее потребовала незнакомая девчонка.

Натуральная русская баба. Здоровая и с норовом. Такая и коня кулаком на скаку зашибет, и трехэтажным матом кого хочешь без запинки обложит. Но и душа у нее простая, добрая.

– Мария, – представилась она.

И улыбнулась. В машине сразу стало как будто светлей.

А потом Паша подобрал еще одну девчонку. В машине стало тесно. Впрочем, Вероника не жаловалась. Еще бы, ведь именно из-за нее все и теснятся. Она – внеплановый пассажир.

– Эй, а куда мы едем? – спросил Мария, когда машина выскочила из города.

– В пансионат, – не поворачивая к ней головы, ответил Паша. – Лес, природа, озеро. Красота, короче...

– Там и будем жить?

– Жить, учиться и обследоваться. Как договаривались... Но сначала позавтракать надо. Есть хотите?

– А ты что, кормишь?

– Ноу проблем...

Он свернул с дороги, проехал чуть по гладкой асфальтированной дороге, остановился возле какого-то кафе. На площадке перед входом стоял автобус, «Икарус». Вероника едва обратила на него внимание.

Паша отвел их в кафе. Усадил за стол. Сделал более чем скромный заказ. Кофе, бутерброды с ветчиной и сыром. Но девчонки были благодарны ему и за это.

Не успели подать кофе, как появились еще какие-то девчонки. И с ними парень. Паша поприветствовал его.

Знал он и третьего парня, который привел в кафе сразу семь девчонок. Вместе с ним он скрылся за стойкой кафе. А потом появился официант. Он принес кофе, бутерброды.

– А ты давай со мной, – поманил он за собой Веронику.

– Куда?

– Сейчас узнаешь.

Он привел Веронику в крохотный кабинет директора кафе. Во главе стола восседал какой-то незнакомый мужчина. Приплюснутый нос, массивная нижняя челюсть, глубоко посаженные глаза. Этими глазами впился в Веронику, как будто за душу взглядом уцепился. На какое-то мгновение она потеряла ориентацию в пространстве и во времени.

Мужчина снял трубку с телефонного аппарата. Протянул ей.

– На, тебе отец звонит.

– Как отец? Он ведь умер... – вытаращилась на него Вероника.

– Значит, мать.

– Мама тоже умерла. Я еще совсем маленькая была...

Он вернул трубку на место. Но продолжал сверлить ее взглядом.

– Братья, сестры?..

– Да нет у меня никого.

– Точно?

– Да.

– Никто не хватится, если вдруг пропадешь?

– Никто. А почему вы об этом спрашиваете?

– Потому что работа очень тяжелая. Мало ли что случиться может. Все, свободна.

Вероника вышла из кабинета. Но в зал не пошла. Ей вдруг расхотелось ехать в Америку. Не потому, что боялась работы. Просто этот мужчина нагнал на нее страху. Почему его так интересуют ее родственники? Вернее, их отсутствие. Что-то тут нечисто...

Она бросилась к рабочему выходу. И даже выскочила во внутренний дворик кафе. Но путь ей перегородил Паша.

– Куда ты? – хищно осклабился он.

– Да мне бы... Я бы... Мне в туалет надо, – нашлась она.

Вероника вдруг поняла, что ее никто и никуда не отпустит. Разве что только в туалет. Вот он, в конце двора. За ним сразу лес начинается, кустарник сплошной стеной. Шмыгнешь в него, никто не заметит.

– В туалет? Что ж, нужное дело... Только сначала надо кофейку попить. А то ведь остынет...

Он недобро усмехался и танком надвигался на нее. Загнал обратно в узкий темный коридор.

– Пошли кофейку попьем, а потом в туалет...

Девчонки сидели за столом. На Веронику и Пашу никто не обратил внимания. Все сосредоточенно думали о своем. Только почему-то слишком сосредоточенно. И взгляды у всех какие-то пустые...

Вероника, даже не присев, махом выпила остывший кофе.

– А теперь можно? – кивнула она в сторону туалета.

– Теперь можно.

На выход она шла широким, твердым шагом. Но уже возле туалета на нее навалилась страшная усталость. Мысли вдруг спутались в жесткий колючий клубок, мозги покрылись изморосью.

Вероника даже не поняла, что оказалась в туалете. Нужду справляла на подсознании. И при этом усиленно думала. О чем именно – не знала даже сама...

На улице ее поджидал Паша.

– Пошли, тебя все ждут. – Как будто не он это сказал, а откуда-то из космоса донесся до нее голос.

Он взял ее под руку и куда-то повел. Она пошла за ним – покорная, как овца.

Вероника смутно помнила, как оказалась в автобусе, как села рядом с Ирккой. Нервы – заморожены, в душе – пустота, в голове – туман. И страшная усталость, гремучая апатия. Ей было все равно, что с ней происходит. Она даже не пыталась узнать, куда ее везут.

Никто из добровольно-подневольных пассажирок не смотрел в окно, никто не пытался запомнить дорогу. Мощный антидепрессант, подмешанный в кофе, сделал свое дело.

2

Небо в клеточку, друзья в полосочку. Верно по сути, но не совсем точно по содержанию. Егор Иванов уже успел подзабыть переполненные камеры следственного изолятора и пересыльных тюрем. Там на окнах решетки и небо в клеточку. Сейчас он на зоне, где никаких решеток – если в БУР или ШИЗО не угодишь. И друзья у него не в полосочку. Потому как не смертники они, а самые обыкновенные зэки. Темно-серые робы, фуфайки, шапки-«пидорки», кирзовые сапоги-«прохоря».

И условия содержания на зоне не в пример «крытке». Живут в общежитиях, чем-то очень напоминающих казармы. Спальные помещения, двухъярусные койки, тепло, сухо. Тяжелый запах немытого мужского тела, потных ног. Но к этому быстро привыкаешь.

И кормежка здесь куда лучше – если, конечно, в ШИЗО не загремишь. Завтра утром их поведут на завтрак. Вернее, всех, кроме него. Потому что сам Егор будет завтракать в другом месте. Или на свободе, или в том же штрафном изоляторе. А может, на том свете ему завтрак подадут...

Он встал. Оделся. И направился к выходу. Дневальный ничего не сказал. Проводил его сонным взглядом.

– Я сейчас, – на всякий случай сказал ему Егор.

На самом деле он не собирался больше оставаться здесь.

Ночь. Холод. Небо звездное. Ярко светит луна. Небольшой ветерок. Самое то, что надо...

До хоздвора рукой подать. Обогнуть одно общежитие – и все, вот она – стена. Но на этот короткий путь Егор затратил полчаса, не меньше. Слишком осторожно шел. Слишком много поставлено на кон.

Зато через забор перемахнул в два счета. И вот он на хоздворе. Добрался до инструментального цеха, дотянулся до трубы. Вытащил из нее складную конструкцию из брусков и реек. Забросил ее за спину, закрепил на веревке. Вес – десять килограммов, не так уж много.

Дальше котельная. До нее метров двести вдоль забора. Егор преодолел и этот путь. Вот и котельная. В ней сейчас дежурный зэк-кочегар. Только вряд ли он станет для Егора помехой. Наверняка спит сейчас, храпит в три дырки.

И точно, он беспрепятственно добрался до двадцатиметровой трубы. Пора начинать восхождение на вершину. Егор крепко уцепился за первую скобу...

Когда-то, очень-очень давно, как будто не в этой жизни, он занимался в кружке дельтапланеристов. Больших высот он на этом поприще не достиг. Но конструкцию дельтаплана изучил неплохо.

На зоне он работал в пошивочном цеху. Именно тогда ему пришла мысль сшить из материи крылья, натянуть их на планер.

Крылья он делал три месяца. Можно было управиться в более короткий срок. Но Егор скрытничал, осторожничал – боялся, что кто-нибудь заметит его приготовления. Но никто ничего не заметил.

Дальше он раскорябал себе руку. Врач на две недели перевел его на хоздвор. А там и бруски, и рейки, и проволока, и шурупы, и гвозди. Егор торопился не спеша. За десять дней тайком от всех он собрал планер, натянул на него крылья. Получилось некое подобие дельтаплана. Конструкция грубая, даже пугающая. Но две-три сотни метров на ней пролететь можно. А для успешного побега этого хватало вполне. Хотя, конечно, чем дальше пролетит, тем лучше...

Он собрал конструкцию, затем разобрал, спрятал. Сейчас она снова при нем. В разобранном виде. С ней он должен забраться на двадцатипятиметровую кирпичную трубу.

Егор осторожно стал карабкаться вверх. Скобы изъедены ржавчиной – царапали руки. Местами предательски пошатывались, все норовили вырваться из своих гнезд и рухнуть вниз вместе со смельчаком.

У Егора сосало под ложечкой. Слишком велик страх потерять равновесие и с высоты бухнуться вниз. Это верная смерть.

Он забрался на самый верх. Глянул вниз. Закружилась голова. Но нет, он справился со слабостью, усилием воли привел себя в чувство.

Внизу раскинулся спящий лагерь. Одноэтажные постройки хозяйственного двора, трехэтажное здание администрации, коробки общежитий, или, как их называли, барачков. И все это под перекрестным огнем мощных прожекторов.

До ближайшей сторожевой вышки чуть больше ста метров. Но часовой не обращал на трубу котельной ни малейшего внимания. Его волновала только запретная полоса. Даже не думал он, что через нее можно перебраться по воздуху.

Только до полета Егору еще далеко. Самое трудное впереди. Ведь еще конструкцию нужно собрать.

Он закрепил на верхней скобе каркас дельтаплана. Дальше прополз метр по кромке трубы. Вытащил из-за спины три рейки с закрепленным на них полотном. Vogнал одну в паз каркаса, намертво закрепил самодельными ремнями. Затем – снова путешествие по краю трубы. Но в обратную сторону. Он сумел добраться до цели, а затем загнать в паз каркаса и вторую планку.

И вдруг резко усилился ветер. Полотно натянулось, как парус. Загудело, затрещало по швам. С силой потянуло Егора за собой. Еще мгновение – и он слетит с трубы. Нет, он не в силах справиться с ветром. Выход один – немедленно отпустить готовую треснуть рейку. И спускаться вниз. Еще не собранная конструкция сама слетит с трубы, даже, возможно, пролетит через ограждение зоны. А Егор останется здесь, на зоне. Гуд бай, свобода!..

Он уже готов был разжать руку, когда случилось чудо. Ветер вдруг резко стих. Натяжение крыла немедленно ослабло.

Видно, сам господь заступился за него. И не удивительно. Ведь он все видит. Все замечает. Ничто не может укрыться от него. Он знает, что Егор ни в чем не виновен. Ну разве он мог не помочь ему?

На радостях Егор прочитал «Отче наш» и снова взялся за дело. С преогромным трудом вставил в каркас третью рейку. Намертво закрепил концы. Дальше осталось подрегулировать планер. Тоже нелегкое дело. Но Егор знал – с ним он справится. Потому что ему помогают высшие силы...

– Господи, благослови!..

С этими словами Егор отсоединил каркас от скобы, крепко вцепился в поручни двумя руками. Оттолкнулся от трубы.

Планер стартовал. Егора захлестнуло головокружительное ощущение полета.

Но ветер вдруг стих вовсе. В воздухе тишь да гладь. Планер резко пошел вниз.

Приближалась первая заградительная полоса. Мотки спутанной проволоки. Попадешь на такую – с ног до головы запутаешься. Дельтаплан стремительно терял высоту. Но все же он смог преодолеть скрытый рубеж.

Но впереди проволочное заграждение. И Егор летел прямо на него. Еще несколько мгновений – и он повиснет на колючей проволоке. А потом с вышки полоснут автоматной очередью. И все, нет больше раба божьего Егора...

Главное, не бояться, мелькнула в его голове мысль. Апостол Петр шел к Иисусу Христу по воде. И не тонул. Пока не испугался, не усомнился в его силе... Егор не должен усомниться в божьем провидении...

А могучий воздушный поток подхватил дельтаплан в самый последний момент. Планер пошел вверх, перенес Егора через ряды проволочного ограждения.

Воздушный поток усиливался. Дельтаплан резко набирал высоту. Остались далеко позади и проволочное ограждение, и трехметровый бетонный забор – последняя полоса ограждения.

Можно приземляться. Но ветер все крепчал. Разгонял планер, уносил Егора все дальше и дальше.

– Так можно и до Черноземска добраться, – сказал он самому себе.

Хотя прекрасно понимал, что это всего лишь шутка. Слишком далеко до его родного города. От Тюменской области до Черноземской не одна тысяча километров...

Дельтаплан нес его над лесами, над долами. До тридцатого царства вряд ли донесет. Но если повезет, можно долететь до железной дороги. Руки устали держаться за скобу – сил нет. Только лучше перетерпеть боль, зато убраться от лагеря как можно дальше.

До железной дороги Егор не дотянул. Воздушный поток ослаб, дельтаплан начал терять высоту. Впрочем, жаловаться грех. И без того много пролетел... Эй, а что там такое?

Внизу показалось озеро. Егор видел, как плавает в нем месяц. На противоположном берегу огни. Что там? Рабочий поселок или... А вдруг это еще одна зона? Здесь где-то неподалеку женская колония.

Егор любил женщин. Они снились ему во сне, он грезил ими наяву. Но сейчас ему вовсе не хотелось в их общество. Не хватало ему снова оказаться за колючей проволокой.

Планер резко пошел на снижение. Стало ясно, на «огонек» он ни к кому не попадет. А вот в ледяную воду окунуться – это запросто.

Егор был уже совсем близко к воде, когда дельтаплан выровнялся, пошел дальше. Еще немного – и будет берег. Но в самый последний момент планер бросило вниз. Мягкая посадка Егору была обеспечена.

Он с разгону вошел в воду, перемешанную со льдом. Вместе с планером.

Сапоги, фуфайка, роба – все намокло. Холод ворвался в душу, заледенил кровь. Егора начало тянуть ко дну. Но на плаву какое-то время оставался планер. Он держался за него. И лихорадочно стягивал с себя одежду.

До берега было недалеко. Не больше двадцати-тридцати метров. Плавать Егор умел. И даже колотый лед ему не очень мешал. Без одежды он довольно быстро преодолел это расстояние. Нужно было торопиться. Вода ледяная, могла хватить судорога.

Но все обошлось. Егор благополучно выбрался на берег. Вышел из воды в одних трусах и майке. А с небес луна светит. Только не греет она. Не может согреть. Холодно Егору, мерзко. Замерз как цуцик. Зуб на зуб не попадает. Но это не самое страшное. Куда страшней неизвестность. Что ему делать дальше, куда податься?..

– Стой! Стрелять буду! – послышался вдруг властный, начальственный окрик.

Егор застыл как вкопанный. И про холод забыл. И про все на свете.

Он не знал, насколько далеко отбросил его от зоны планер – на километры или даже десятки километров. Зато уже точно знал, что побег его завершился полным провалом. Его заметили, за ним послали погоню. Это невероятно, но лагерное начальство сумело вычислить место его приземления. И вот его уже берет на прицел какой-то прапор.

Егор медленно обернулся на окрик. Но прежде чем что-либо увидеть, услышал другой голос:

– Да хорош тебе, Микола, херней маяться!..

– Убери ружье, придурок! – сказал еще кто-то другой. – Надо ж так нажраться...

– Эй, ну че вы, мужики, я же чисто приколоться.

Егор увидел трех мужиков. Один с ружьем, в зюю пьяный. Двое других вроде не так нажраты. Поэтому и приструнили буяна. А ведь тот сдуру мог и пальнуть в Егора.

– Приколоться он хотел...

Один мужик подошел к Егору:

– Ты кто такой?

– Маркиз Карабас... – коченея от холода, под стук зубов выговорил он.

– Не понял...

– Вот, купаться полез. А разбойники одежду украли...

– Какие разбойники?

Мужик в упор смотрел на Егора. Взгляд тупой-тупой. До шутки юмора допереть никак не может. Наверное, он в детстве даже сказку про Колобка не читал. А может, в силу своих умственных способностей еще не дорос до столь грандиозного литературного творения, как «Кот в сапогах».

– Ну че вылупился? – зло рыкнул на него Егор. – Водки дай! Не видишь, дуба сейчас врежу?..

– А-а... – моментально проникся мужик.

Откуда-то вдруг появилась бутылка. Легла Егору в руку. Нет, он не алкоголик. Но сейчас он с таким удовольствием влил в себя изрядную дозу огненной жидкости.

– Во-о, свой человек, сразу видно, – сказал мужик. – Эй, хватит, а то все выпьешь!

Он вырвал у Егора бутылку. Сильными руками разорвал на нем майку, зашвырнул ее в озеро. Смочил руки водкой. И начал растирать его тело. К этому процессу подключились и остальные.

– Сейчас тебе жарко станет.

– Ага, как в Сочи.

– Не-е, как в Африке.

Егора растерли докрасна. Затем кто-то натянул ему на ноги толстые шерстяные носки, кто-то другой одолжил ему свой ватник. А третий мужик, который напугал его ружьем, отдал ему кальсоны.

Мокрые трусы также пришлось выбросить. Но Егор об этом нисколько не жалел. Ведь и на майке, и на трусах – клейма колонии.

В носках вместо сапог, в чужих кальсонах вместо брюк, в ватнике на голое тело он пошел вместе с мужиками. Одного звали Глебом, второго – Петром. А того, который с ружьем, – Миколой. Оказывается, совсем рядом с озером был рабочий поселок нефтяников-вахтовиков. Это его огни видел Егор с высоты.

Его привели в грязный, неудобный, но жарко натопленный вагончик.

– У нас сегодня праздник, – сказал Глеб. – Наша смена закончилась. Завтра утром... Или нет, даже сегодня – самолет. На радемую землю отбываем, во как...

Большой праздник, ничего не скажешь. Потому и гуляли мужики сегодня до самого утра. Собрались втроем в вагончике и глушили водку безбожно. Потом к озеру прогуляться захотели. А там – Егор.

– Я не знаю, откуда ты такой красивый взялся, – сказал Петр. – Но у нас тут для тебя кое-что есть...

Он достал из железного шкафчика чистую пару белья, старую, но чистую фланелевую рубашку, заношенные брюки, фуфайку, резиновые сапоги.

– Чем богаты, тем и рады... – с пьяной гордостью сказал он.

– Ты не знаешь, откуда я взялся, – одеваясь, начал Егор. – А я и не скрываю. На лодке я в озеро вышел. Порыбачить...

– А лодка перевернулась, так? – почему-то с ехидцей спросил Глеб.

Микола участия в разговоре не принимал. После холода он на жаре сомлел. И уже забылся в пьяном сне.

– Перевернулась, – кивнул Егор.

- Наверное, сом огромный попался?
- Может, и сом...
- А нет в этом озере сомов. И никакой другой рыбы нет. Мертвое озеро.
- Почему?
- А потому... Ты прямо скажи, откуда ты взялся?
- Скажи честно, – подхватил Петр. – Ты беглый?
- Что?!

Егор мгновенно сделал расчет. Глеба можно достать рукой. Петра вырубить ногой. Но вырубать никого не пришлось. Потому что разговор принял выгодный для него оборот.

– Да ты не кипишуй!.. Мы ж не мусора. Мы ведь с Петром тоже баланду хлебали. Я за «гоп-стоп», он за хулиганку...

– Терпеть ненавижу мусоров... – аж побагровел от злости Петр. – Я никого пальцем не тронул. Просто сынка местного шишкаря на хрен послал. А меня на три года в «парилку»...

– Мужики, вы меня не за того принимаете.

– Да ладно, не трави тюльку. Короче, если есть желание, можем тебя с собой взять.

– Куда с собой?

– Самолет через пять... – Глеб пьяно глянул на часы. – Нет, уже четыре часа осталось... Короче, Микола никуда не летит. Его попросили остаться на вторую и третью смену подряд. Он пахарь – то, что надо. И бабки ему позарез нужны. Кстати, в конвойных частях когда-то служил. Ну так вот, он остается. Но место на борту за ним забронировано. Мы у него паспорт возьмем, ты по нему и полетишь. До самого Воронежа.

Егор не мог поверить в удачу. Авиарейс колония – Воронеж с пересадкой в рабочем поселке. Ну разве это не высшее провидение?

– Скоро вылетаем, – кивнул Петр. – А пока давай покемарим децл...

– Ага! – зевнул Глеб. – Утро вечера мудреней...

А вот такой расклад Егора вовсе не устраивал. Нефтяники сейчас проспят, протрезвеют. Поймут, что маху спьяну дали. И хрен они его тогда возьмут с собой.

– А может, тяпнем по чуть-чуть? – предложил Егор.

К счастью, в ящике оставалось еще несколько бутылок.

– По чуть-чуть можно, – кивнул Петр.

Они выпили по сто грамм.

– Да ну его, спать, – махнул рукой Егор. – За жизнь давайте поговорим...

– Можно и за жизнь, – согласился Глеб.

Они пили и трепались до самого утра. Пока за ними не приехал автобус. Глеб забрал у спящего Миколы паспорт, нацарапал ему записку, что лично вернет его через месяц. Был бы трезвым – сто раз подумал бы, прежде чем такое сотворить. Но пьяному ведь море по колено.

Миколу оставили в вагончике. А Глеб и Петр вместе с Егором погрузились в автобус. Там уже были люди. Но все с большого бодуна, всё вокруг заполнил густой сивушный запах.

Автобус отвез подгулявших вахтовиков на аэродром. Там их ждал допотопный пассажирский «Ил-18». Егору даже страшно стало. Если эта рухлядь вдруг взлетит, то вряд ли доберется до места назначения. Но куда страшней было оставаться на земле, где на каждом шагу опасность.

В лагере уже наверняка подняли тревогу. Егора ищут. И, возможно, уже перекрыли все дороги, выслали наряды на ближайшую железнодорожную станцию, в гражданский аэропорт.

Но это аэродром, так сказать, местного значения. Но все же и сюда может прийти ориентировка на него и требование усилить контроль. Или даже представитель компетентных органов прибудет.

Только страхи его оказались напрасными. Его погрузили на борт вместе со всеми остальными. Даже паспорт не спросили.

Трезвень нефтяники не собирались. Видно, боязно им было лететь на столь древнем вахтовом самолете. А водка – самое лучшее средство заглушить страх.

Самолет загудел, задрезжал. Стронулся с места. Начал вырывать на взлетную полосу. Егор глянул в иллюминатор. И вдруг увидел, как к ним на полной скорости мчится армейский «уазик».

«Ну все, приехали! – мелькнуло у него в голове. – Сейчас самолет остановят, проверят всех пассажиров. И тогда – прощай свобода».

Но «восемнадцатый» «Ил» и не думал сбавлять обороты. Он преспокойно выбрался на взлетную полосу и начал брать разгон.

А Егор продолжал смотреть в иллюминатор. И даже увидел, как из остановившегося «уазика» вышел человек в теплой камуфлированной куртке, посмотрел вслед уходящему самолету. И с досадой махнул рукой. Но тут же как будто успокоился. Вроде как утешил себя тем, что вряд ли беглец мог оказаться на этом борту...

Егор с трудом удержался, чтобы не показать ему фигу.

Самолет разогнался, с натугой оторвался от земли. И с еще большей натугой набрал высоту. Егор ожидал, что вот-вот он развалится на части. Но нет, «пензионер» «ильюшин» упорно продолжал нести дальше и себя и пассажиров...

Глава третья

1

– Как это «ну и что»? У меня будет ребенок, а он говорит: ну и что?

Анюта готова была расплакаться. Только Юра, казалось, не замечал этого. Он был спокоен, как медведь в спячке.

– А разве дети – это плохо? – сухо спросил он.

И холодно посмотрел на нее.

– Дети – это хорошо. Если есть отец...

– А ты что, не знаешь, от кого залетела?

– Ты, наверное, шутишь... От тебя у меня будет ребенок, от тебя. И ты это прекрасно знаешь. Как и то, что я ни с кем, кроме тебя, не спала.

– Откуда я знаю... – зло усмехнулся он. – Может, тебя всем селом пробовали.

Анюта была возмущена до глубины души. Ее оскорбили. И она знала, как поступать в таких случаях.

– Негодяй! – подражая героине мексиканского телесериала, гневно воскликнула она.

И размахнулась, чтобы заклатить Юре пощечину. Но тот перехватил ее руку, сжал в тисках своей ладони.

– В общем, так, девочка: ты на меня отцовство не списывай, – зашипел он. – Я здесь ни при чем. Выкручивайся сама, как можешь. Жениться я на тебе не обязан. Хотя бы потому, что в городе у меня невеста. И вообще, я завтра уезжаю. Один, без тебя. Чао, крошка!..

Он резко отпустил ее руку. Гадко усмехнулся. И повернулся к ней спиной.

– Подлец! – бросила ему вслед Анюта.

Но Юра как будто и не услышал этого...

Анюта бросилась опрометью прочь из его дома. Ни ногой сюда больше...

Они познакомились осенью прошлого года. В их селе он с лета. После института по распределению в совхоз попал агрономом. Не какой-то там тракторист или даже шофер. Интеллигент. Из города. Воспитанный, начитанный. Первый парень на деревне.

Анюта же считалась первой красавицей в их поселке. Круглолицая, румяная. Глаза у нее красивые, как у Елены Прекрасной с картины Васнецова. И коса до пояса. Красна девица. Полногрудая, крутобедрая. Не то что фотомодели там всякие. Она – кровь с молоком, а они – воблы сушеные.

Именно так говорил Юра в первый день их знакомства. На дискотеке они познакомились. Он ее домой провожал. Да все пытался к себе домой затащить. Но Анюта честных правил. Знала она, чем эти посиделки с глазу на глаз заканчиваются.

Юра нравился ей. А может, она даже влюбилась в него. Поэтому с удовольствием встретилась с ним на следующий день. И снова они в сельском клубе, в этот раз на вечернем киносеансе. Она смотрела фильм, а Юра шепотом рассказывал ей о нравах большого города. Мол, у них все просто. Если девушка познакомилась с парнем, если он хоть чуть-чуть понравился ей, то первую же ночь они проводят вместе и в одной постели. Только Анюта бдительности не теряла. Не смог он ей заморочить голову сказками про город. И руку его она убрала, когда он к ней ненавязчиво так под кофточку сунулся. Нахалом обозвала.

Первые месяцы знакомства Юра наседал, но Анюта стойко отбивалась от него. Так и не смог он лишиться ее девственности.

Но Юра не сдавался. Под Новый год он сделал ей предложение, просил ее руки и сердца. Сказал, что скоро возвращается в родной Черноземск, там у него своя трехкомнатная квартира

с обстановкой, брат родной работу ему хорошую подыщет. В общем, заживет как человек. Вместе с Анютой. Она – красивая, надежная, отличная хозяйка, нарожает ему детей. Он даже придумал имя их первенцу. Если мальчик, назовут его Георгием, если девочка – Еленой.

Анюта любила Юру, и в город ей из села вырваться хотелось, нормальной жизнью пожить. Семейное счастье с любимым человеком, трехкомнатная квартира с городской мебелью, приятные хлопоты по хозяйству, дети, забота о них – все это вскружило Анюте голову. Она замечталась и даже не сразу поняла, где оказались Юрины руки.

Одну он засунул ей под кофточку, пальцами нежно и так приятно мямл сосок ее груди. Вторую руку запустил под юбку, забрался под трусики. Нашупал запретную точку. Это стыдно, бессовестно. Но Анюта уже не могла остановить его. Невероятное блаженство захлестнуло ее с головой. А потом, ведь он собирался на ней жениться. И, пожалуй, неважно, когда она станет женщиной – до свадьбы или после...

Она не просто стала женщиной. Она забеременела. Узнала об этом. Сообщила Юре. Он даже обрадовался. Мол, это даже хорошо, что у них так скоро появится ребенок. Но после этого он уже не просил, а требовал, чтобы она каждый вечер приходила к нему домой.

Село – не город. Здесь на каждом фонарном столбе и уши и глаза. Ничто не остается незамеченным, слухи же распространяются со скоростью молнии. Но, как это ни странно, об их вечерних посиделках или, вернее, полежалках не знал никто. Юра снимал половину дома. Хозяйка – баба Варвара, глухая и плохо видит. Анюта приходила к нему под покровом темноты.

Никто не знал, насколько серьезно зашел роман городского парня и сельской красавицы. А срок беременности становился все больше и больше. Пошел второй месяц, затем третий...

Сейчас Анюта на четвертом месяце. Она по-деревенски полновата, поэтому живот ее пока не бросается в глаза. По крайней мере, родители ничего пока не замечают. Но ведь долго так продолжаться не может. Скоро тайное станет явным.

Юра готов был и дальше принимать ее у себя по ночам и обучать сексуальным премудростям. Только ей уже все это надоело. И сил нет ждать, когда же они наконец подадут заявление в сельсовет. Да что там заявление, он ведь даже ни разу дома у нее не был, с отцом и матерью так и не познакомился.

Все это Анюта высказала ему сегодня. И заявила, что он обязан жениться на ней. Потому что она ждет от него ребенка. Но Юра в ответ лишь оскорбил ее, унизил. И сказал, что жениться на ней не обязан. А завтра он уезжает...

Анюта шла по сельским улицам. Слезы катились по щекам, грудь сдавливало отчаяние. Ее бросили, ее обманули, она никому не нужна... Хоть в омут головой. Одна сплошная безнадёга...

Село у них большое, не меньше чем на тысячу дворов. Колхоз и совхоз. В далеком коммунистическом прошлом миллионеры. Но времена изменились, сельское хозяйство в упадке, селяне обнищали. Но со старых времен у многих остались машины. Поэтому ничего удивительного в том, что по улице одна за другой мимо нее сновали «Жигули», «Москвичи».

Она уже была недалеко от дома, когда рядом остановилась красивая иностранная машина. Такую она видела только в кино.

– Анюта, – послышался мужской голос.

Она остановилась. Увидела, как открылась дверца, из машины вышел мужчина. Высокий, худошавый, с заостренными чертами лица. Она узнала его. Это Данила, парень из их школы, на четыре года старше ее.

Два года назад он вернулся из армии. Ей было тогда шестнадцать, ему двадцать. Он пытался ухаживать за ней. Но она живо дала ему от ворот поворот. Не понравился он ей. Некрасивый. И темный какой-то. Изнутри темный. Что-то в нем дьявольское. В глазах космический холод. Как глянет на нее, так по коже мурашки.

Сейчас он был мало похож на того Данилу. Возмужал. Представительный вид. Строгий костюм-тройка. Белый воротничок, галстук. Лицо гладко выбрито, черные волосы назад зачесаны – ровно, гладко, как будто чем-то смазаны. А глаза все такие же черные. Все тот же космос в них. Но нет больше холода. Какая-то скрытая тоска в них. Печаль мудреца. А еще в них интригующий огонь.

Анюта смотрела на него. И мысленно восхищалась. Каким он был. И каким стал. Мужественный, ухоженный, строгий, солидный. А какая машина у него – это же сказка.

– Здравствуй, Анюта, – тихо сказал он.

И скупое, но так трогательно улыбнулся.

– Ты изменилась... В лучшую сторону... Рад встрече...

– Я тоже...

– Я много думал о тебе...

– Плохого? Или хорошего?

– Только хорошего. Только что толку, ты все равно уже замужем.

– С чего ты взял? – встрепенулась она.

Неужели он узнал о ее романе с Юрой? Если знает он, то знают все, со скоростью курьерского поезда пронеслось в голове у Анюты.

– Ты такая красивая. И взрослая. Ты должна была выйти замуж...

Деревенская логика. Красивая сельская девчонка в восемнадцать лет обязательно должна быть замужем. А как же иначе?..

– Нет, я не замужем, – покраснела Анюта.

Ей даже стыдно стало за то, что у нее до сих пор нет мужа. Или был. В лице негодяя Юры. Гражданский брак. Постыдный, позорный. Если об этом кто узнает, по улице не пройдешь спокойно. Все, от мала до велика, пальцами тыкать начнут.

Данила ничего не сказал. Но улыбнулся. Так, как будто обрадовался этому известию. В глазах как будто засветилась надежда.

Неужели он думает, что она может выйти замуж за него? А почему нет? Анюта поймала себя на мысли, что она вовсе даже не против пойти с ним под венец. Только тут же одернула себя. Ни в сельсовет, ни в церковь ее никто не зовет.

– А что мы стоим? – после паузы спросил Данила. – Может, в машине посидим?

– Нет, – покачала головой Анюта. – Мне домой пора.

Дома ее ждут не раньше чем через пару часов. Сейчас она должна была бы с Юрой в постели барахтаться. Как последняя развратная девка ему отдаваться. Почему «как»?..

Ей стало невыносимо стыдно. Все рыло в пуху, а она строит тут из себя недотрогу...

– Да, я понимаю, – сказал Данила. – Порядочные девушки в машины к посторонним не садятся.

Порядочные девушки. От стыда ей хотелось провалиться сквозь землю. Щеки ее пылали. Пламя позора сжигало ее изнутри.

– Я пойду. – Слезы накатывались на глаза.

– Давай завтра встретимся... – предложил Данила.

Анюта покачала головой. Это означало «нет».

Как смеет она встречаться с ним? Как смеет она его обманывать?..

Пусть она оступилась, пусть нагуляла ребенка, пусть она падшая женщина. Но у нее есть совесть, у нее есть стыд.

Но есть и страх. Она могла бы открыть Даниле правду, рассказать о подлеце Юре, об ужасающих последствиях их встреч. Но она и думать об этом боялась. Он непременно осудит ее, погонит от себя прочь поганой метлой. Мало того – о ее позоре могут узнать все...

Она повернулась к Даниле спиной и понуро поплелась домой. Он остался возле своей машины. Провожал ее взглядом. Но не поехал за ней.

Дома Анюту ждал семейный скандал. Пьяный отец гонял бедную, замученную жизнью мать. Явление привычное. Отец пил постоянно, каждый день после работы приходил нажра-тый, как свинья, и злой, как собака. Час-два он измывался над матерью, а затем благополучно засыпал. Мать облегченно вздыхала. И снова принималась хлопотать по хозяйству. Как раз к этому времени обычно и возвращалась Анюта. Со свидания. Мать даже не спрашивала, где она шлялась. Не до того ей было. От скандала отходила...

Но сегодня она пришла раньше обычного.

– А-а, явилась, сука! – Отец упер руки в бока. – Явилась, прошмандовка!..

Внутри у Анюты что-то оборвалось. А вдруг отец знает о ее похождениях?..

– Сидор! Ну как ты можешь? – возмущенно протянула мать. – Совсем совесть потерял, старый дурак!.. На родную дочь, с матюгами!..

– И ты сука! И ты прошмандовка!.. Ах ты дрянь, счас я те задам!..

Отец вмиг забыл про Анюту и набросился на мать с кулаками. Только та сама пошла в наступление. И от души приложила по его голове скалкой.

– Сука! – взвыл отец.

Обхватил голову руками, сел на лавку. А затем лег. И лежал, поскуливая. Пока не заснул. Сегодня победила мама. А завтра?..

Что такое сельская жизнь сегодня? Безднадега. Безработица, всеобщая необустроенность, хроническое недоедание, мужики спиваются, буйнят, друг друга бьют, на жен набрасываются. Пьяные скандалы – явление не просто привычное, но и повсеместное. Как можно жить в таком аду?..

Анюта не одна в семье. Две сестры у нее, старшие. И обе замужем. И у той и у другой мужа горькую пьют. У Анфисы буйный. У Зои, правда, спокойный. Но зато в доме у Зои шаром покати. И голодно.

И Анюту ждет такая судьба. Юра ее бросил, скоро уедет в город. Она останется одна. И с ребенком. Если повезет, кто-нибудь возьмет ее замуж. Кто-нибудь из деревенских пьяниц. Будет гонять ее по дому, бить. Да еще и прошмандовкой обзывать, потому что она такая на самом деле...

Ну что за жизнь у нее такая? Ну что за доля горькая?..

Может, правда в омут головой? Нахлебается воды – и камнем на дно. И больше никогда никаких мучений...

Руки на себя Анюта накладывать не стала. Но всю ночь проревела в своей комнате. Но слезами обиду и смертную тоску смыть не получалось. Слишком сильно обидел ее Юра, слишком мрачные картины рисовало ей будущее.

Рано утром вместе с матерью она отправилась на ферму. Снова под ногами зачавкала грязь вперемешку с навозом, снова вечно голодные коровы. И снова грязная неблагодарная работа.

А ведь еще вчера она думала, что все это скоро останется позади. Юра женится на ней и увезет в город. Будет она жить в чистоте и роскоши. И молоко покупать в пакетиках. Пусть пастеризованное, пусть обезжиренное. Но зато его не надо будет добывать в грязи и на холоде из-под опостылевших буренок.

Но вчера было вчера. А сегодня уже сегодня. Никуда не увезет ее Юра. Не ждет ее никакой город. Впереди у нее вонючее навозное будущее...

Домой они вернулись после обеда. Страшно уставшие. А еще нужно со своим хозяйством управиться. Корова, свиньи, куры, утки. Работы невпроворот.

– Ты что, никуда не собираешься? – спросила вечером мать.

Она уже вся в напряженном ожидании. Вот-вот явится пьяный отец.

– Нет, дома побуду...

Анюта и рада была бы куда убраться из дому, да некуда.

– Ну смотри...

Мать готовила ужин. Особо не старалась. Потому как не из чего стараться. Картошка прошлогодняя – мягкая, рыхлая. Да небольшой кусок сала. Хлеб. Молоко. Вот и вся вечерняя радость. Но это еще неплохо. В других семьях и того нет...

Во дворе залаяла собака.

– Кого там принесло? – спросила мать.

И подошла к окну.

– Ох, батюшки, до чего ж интересная машина!..

Глянула в окно и Аня. Увидела вчерашнюю иномарку. Из нее выходил Данила. Черный костюм, белая рубашка, на лице напряженная улыбка. Как будто он боится чего-то. Боится, но смело идет вперед.

Данила не один. С ним еще какие-то люди. Женщина и мужчина. Самые обыкновенные, деревенские. Вот они ничего не боятся. Улыбаются весело, задорно.

– Хозяйка!.. – молодежато крикнул мужчина.

Маму как ветром сдуло. Бегом к калитке. Аня видела, как она впустила гостей, провела их через двор. В дом она зашла первой. И быстро-быстро замахала руками на Аню.

– Давай в свою комнату. Приводи себя в порядок... Сваты приехали...

У Ани поплыло все перед глазами. Данила приехал к ней не просто так. Он заслал к ней сватов. Будет решаться вопрос о свадьбе. Он хочет жениться на ней. И она ведь не против... Но замуж, в ее-то положении?..

Аня скрылась в своей комнате, привела себя в порядок, надела самое красивое свое платье. И вышла к гостям.

А те уже за столом. Разные деликатесы на нем, шампанское, вино в красивых бутылках, коньяк. И отец уже дома. Смекнул, что к чему. На маму с кулаками не полез. А сразу за стол. Губа-то ведь не дура.

Аня не слышала, что говорили сваты. Она сидела на стуле напротив Данилы. Он улыбался, а ей стыдно было глаза от пола оторвать.

Она не помнила, сколько так просидела. А потом Данила и сваты ушли.

– Ну, дочка, считай, тебе повезло, – сказала мать.

– Дурой будешь, если откажешься... – рыкнул отец.

– От чего?

– Ну ты точно дура...

– Сидор!..

– А чего она придуряется? Как будто ничего не понимает...

– Да все она понимает, правда, дочка?

– Данила хочет на мне жениться... – невесело вздохнула она.

– Вот и радуйся, что такой жених объявился. Машина у него заграничная, я такие только в фильмах про богатея видела. Сваты говорят, что у него свой дом. И не просто дом, а полная чаша...

У Данилы дом – полная чаша. И у Ани – полная чаша. В животе... От этой мысли ей хотелось выть.

Данила остановил ее на улице вечером следующего дня. Она из селпо возвращалась – хлеб, сахар покупала.

Он вышел из машины, мило ей улыбнулся. Аня смутилась, покраснела.

– Может, в машину сядем? – спросил он.

Она кивнула. Все село уже знает, что он сватался к ней. И ничего нет зазорного в том, что она посидит в машине у своего жениха.

Данила открыл ей дверь, усадил на переднее сиденье, сам занял место за рулем.

В машине было хорошо. Комфортно, уютно, запах кожи приятно кружил голову. Едва слышно играла автомагнитола. Ей до жути захотелось, чтобы он увез ее на этой машине куда-нибудь далеко-далеко, хоть на самый край света. Только, увы, она не имеет права на такое путешествие. Она не имеет права выходить за него замуж...

– Ты вчера весь вечер как мумия присидела, – сказал. – И сейчас едва живая... Может, ты боишься меня?..

Анюта покачала головой.

Она не боялась его. Она боялась саму себя.

– Твои родители не против, чтобы мы поженились...

Еще бы они были против...

– Но куда важнее твое слово... Я хочу, чтобы ты стала моей женой. И жду от тебя ответа.

Горечь подступила к горлу. Анюта едва удержалась от слез. Она должна была рассказать ему всю правду. Но она промолчала. И только согласно кивнула. Да, она принимает его предложение...

– Ты очень красивая, ты самая лучшая...

И он парень что надо. Аняте он нравился. Она бы очень хотела стать его женой. Но, но...

– Я недавно дом себе купил. Новый, двухэтажный. Хочешь, поехали посмотрим...

Анюта покачала головой. Дала понять, что материальные ценности ее не интересуют. Хотя лукавила. Ей хотелось жить хорошо. С хорошим мужем и в достатке.

Только не жить ей с Данилой. Как только он узнает о ее брюхе, так сразу отречется от нее.

Отречется... А может, и нет? Может, он захочет воспитать ее ребенка как своего собственного?.. Вряд ли... Это «вряд ли» удержало Анюту от рокового признания.

– И правильно, нечего у меня дома сейчас делать. Его ведь не совсем закончили. Отделать до конца надо, мебелью под заказ обставить. А когда все готово будет, можно и вселяться. А там чисто за пирок да за свадебку. Так?

Анюта кивнула. Да, именно этого она и хочет.

Только захочет ли он после того, как обо всем узнает?..

– Я завтра уезжаю, – сказал он вдруг. – Надолго. На три-четыре месяца. Длительная командировка. Но она последняя. Вернусь – и все, больше никогда и никуда не уеду... Ты будешь меня ждать?

Анюта снова кивнула.

– Глупый вопрос, да?

Она пожала плечами. Вопрос как вопрос.

– Знала бы ты, как тепло на душе, когда тебя кто-то ждет...

Он замолчал, устремил свой взгляд куда-то вдаль. Как будто думал о чем-то важном и не очень веселом.

– Я подвезу тебя домой?

– Подвези...

* * *

На следующий день Анюта отправилась в районный центр. В женскую консультацию. За ночь ее посетила мысль, которая показалась ей спасительной.

Врач внимательно обследовала ее.

– Значит, хочешь избавиться от плода?

– Хочу, – кивнула Анюта.

В аборте она видела единственный для себя выход.

Юра на самом деле уехал в город. Больше в их селе он не появится. Пальцем на нее не покажет – это точно. И Данила исчез. На время. Какая-то длительная командировка. Целых

три-четыре месяца его не будет. А она к этому времени и аборт сделает, и успеет в себя прийти. Хорошо бы восстановление плевры сделать. Слышала она о такой операции. Только на то, чтобы снова стать девочкой, денег у нее не хватит...

– Вынуждена огорчить, – покачала головой врач. – Срок достаточно большой. Скоро пятый месяц пойдет. Плод живой. Удалить его – все равно что убить ребенка. Никто на это не пойдет. Так что придется рожать...

– Но я не могу!..

– Не можешь родить?

– Нет, мне не нужен ребенок. Я замуж собираюсь. За другого, не за отца ребенка, вы это понимаете?

– Понимаю... – Врач вдруг пошла красными пятнами. Глаза заблестели. – А когда ты ноги раздвигала, ты думала о ребенке? Нет! Ни о чем ты тогда не думала... Все вы такие, как под мужиков ложиться – так это пожалуйста. А как рожать – так трактором не затянешь. Аборт им, блядям, подавай...

Анюте жарко стало от таких слов. Врачиха назвала блядью ни кого-то там, а именно ее. Жестоко оскорбила. А ведь она душу ей свою хотела открыть. Рассказать, как предал ее Юра. Как взял под свое крылышко Данила...

– Я не такая, – всхлипнула она.

– Не такая, – уже успокоилась врач. – Не такая... Но ребенок тебе не нужен...

– Ну кто виноват, что так получилось? – разрыдалась она. – Я думала, что он на мне женится. А он обманул. Бросил... А тут Данила появился. Это мой шанс... Только он бросит меня, если узнает...

– А может, не бросит?

Но Анюта не в силах была отвечать. Слезы душили ее. Она больше не могла говорить. Зато слышала, что говорит врач:

– Мы можем сделать тебе аборт. Но только при одном условии. Если ты представишь справку о том, что тебя изнасиловали...

Анюта зарыдала еще сильнее. Ну где она возьмет такую справку? Заявить на Юру в милицию, обвинить его в том, что он ее изнасиловал? Но тогда все село узнает о ее грехе. И до Данилы дойдет...

– Можешь в Черноземск съездить. Там и специалистов больше, и возможностей для исключений...

Анюта последовала совету врача. И отправилась в областной центр. Но и там в женской консультации ее ждал все тот же приговор.

– Рожать! – как будто приказывал ей врач. – У вас, милочка, не просто плод. У вас живой ребенок. А я не какой-то садист, чтобы резать его заживо...

Она возвращалась из больницы в полном отчаянии. Шла через сквер. Весна. Апрель. Оживающая природа. Деревья одеваются листвой, щебет птиц, ласковое солнышко. Только ничего этого она не замечала. На душе смертная тоска.

Она даже не сразу поняла, что рядом с ней кто-то идет.

– Извините, это, конечно, не мое дело, – послышался приятный мужской голос.

Анюта вздрогнула, остановилась. Повернулась лицом к непрошеному своему спутнику. Молодой человек приятной наружности. Хорошо одет. Вежливая улыбка, располагающий вид.

– Мне показалось, что вы чем-то очень опечалены...

– Это мое личное дело, – буркнула Анюта.

– Вот видите, я же говорю, что это не мое дело... Но мне почему-то кажется, что я могу вам помочь...

Голос у него мягкий, завораживающий. И как будто убаюкивающий. Кот Баюн.

– Чем вы можете мне помочь? – тяжело вздохнула Анюта. – Ведь вы же ничего не знаете...

– Я видел, откуда вы шли. И мне показалось, что у вас проблемы по женской части. А именно – из области деторождения...

– Деторождения?.. Рождения... Но я не хочу рожать. Ребенок мне не нужен...

Это сугубо личное, даже интимное. Но как будто кто-то тянул Анюту за язык. Как будто под мягким гипнозом она открывала ему свою душу.

– Вы, наверное, собираетесь замуж, – предположил молодой человек. – А ваш будущий муж не примет вас с ребенком...

– Откуда вы это знаете? – удивилась она.

– Это написано в ваших глазах... Я вижу, что вам очень тяжело... Вы можете избавиться от плода?

– А вы врач?

– Можно сказать, что да... Я представляю одну частную клинику... Кстати, мы оказываем услуги по части аборт...

– У меня большой срок... Почти четыре месяца...

– В принципе для нас это не проблема...

– Правда? – Анята облегченно вздохнула.

За спиной выросли крылья надежды.

– Только услуги у нас платные...

– Сколько?

– Не бойтесь, у нас самые низкие цены в регионе. И самое высокое качество услуг... Ваша проблема решается всего за тысячу условных единиц...

– Условных единиц?.. – озабоченно протянула Анята.

Она, конечно, слышала про эти условные единицы. Краем уха. Слышала звон, да не знала, где он. Сколько это – тысяча условных единиц?

Молодой человек любезно пришел ей на помощь:

– Тысяча условных единиц – это тысяча долларов, или двадцать восемь тысяч рублей...

Анюту как обухом по голове. Тысяча долларов, почти тридцать тысяч рублей. Откуда у нее такие огромные деньги?..

А парень как ни в чем не бывало продолжал ярко улыбаться.

– У меня нет столько. И у родителей тоже.

Да если бы и были у отца с матерью такие деньги, разве б они ей дали просто так? Пришлось бы рассказать о беременности... Нет, только не это...

У Данилы тысяча долларов точно найдется. Но не просить же у него. Тем более его сейчас нет. Три или даже четыре месяца не будет...

– Да, очень жаль, – искренне огорчился молодой человек. – Но, увы, благотворительностью мы не занимаемся. Или, может, вы все-таки изыщите способ найти деньги?

Анята покачала головой.

– Поверьте, в любой другой клинике за подобные услуги берут гораздо большую сумму.

– У меня нет и меньшей суммы.

– Я понимаю. Придется вам рожать.

– Придется. – Слезы навернулись на глаза.

– О, да вы сейчас заплачете. Вас печалит, что вы не можете избавиться от плода?

– Да.

– Вы переживаете. А знаете почему? Потому что вы не до конца осознаете, на какую жертву идете. Допустим, вам сделают аборт. Вы сможете выйти замуж за любимого человека. А потом, рано или поздно, до вас дойдет, что вы убили собственного ребенка. Да, это не врачи его убьют. Его убьете вы. Врачи всего лишь выполнят ваш заказ.

А ведь этот парень говорит правду. Если она сделает аборт, она не просто избавится от плода. Это будет убийство. Убийство собственного ребенка. Аняте стало страшно. Она уже не хотела делать аборт.

Но как же ей жить дальше?..

– Вы можете не хотеть ребенка. Но вы должны его родить. Если он вам не нужен, вы можете передать его на усыновление другим людям.

– На усыновление?..

– Именно. Вы родите ребенка и тут же избавитесь от него. Вы свободны, и плод живой. Только, конечно же, вам будет спокойно лишь в том случае, если вы будете знать, что ребенок ваш попал в надежные руки.

– Да, конечно... – зачарованно повторила за ним Анята.

А ведь это действительно выход. Она родит ребенка и передаст его на усыновление другим людям. Она станет свободной. И сможет выйти замуж за Данилу. Только нужно сделать все так, чтобы никто не узнал о родах.

Парень как будто мысли ее прочитал.

– Естественно, рожать вы должны в обстановке полной конфиденциальности. Никто не должен узнать о вашей тайне.

– Никто... – все так же зачарованно повторила она.

– Но как это сделать?

– Как?

– Где сейчас ваш жених?

– В командировке. Он уехал на три или четыре месяца...

– Отлично! Это решает все проблемы. А родителям вашим вы скажете, что завербовались на работу за границу. На полгода. Кстати, ровно через полгода вы вернетесь.

– Откуда?

– Из-за границы.

– Вы это серьезно?

– Вполне. Первое время вы пробудете в России. А месяца через три отправитесь в Америку. Там и будете рожать. А затем вернетесь обратно в Черноземск.

– А разве я не могу родить здесь?

– Можете. Но в этом нет смысла. Вы ведь даже не спросили, с чего бы это мы будем держать вас в нашем пансионе. За состоянием вашего здоровья будут наблюдать специалисты, вы будете жить на всем готовом. А ведь все это деньги. А мы не спросим с вас ни копейки. Почему?

– И правда, почему?

– Я открою вам наши карты. Чтобы вы не сомневались в нашей честности. Вы родите ребенка в Америке. Он автоматически получит гражданство этой страны. И его сразу усыновят состоятельные люди. Наша фирма получит за него ровно десять тысяч долларов. Пять тысяч из них ваши. Все остальное нам – за услуги. Ведь нам так много предстоит для вас сделать. Вы меня понимаете?

– Да, – кивнула Анята.

– Через полгода вы вернетесь домой с пятью тысячами долларов. И без ребенка... Кстати, на эти деньги вы можете провести операцию по восстановлению.

Вы снова станете девственницей. И выйдете замуж за своего парня. Кстати, он спросит вас, где вы были. Вы можете ответить ему, что ездили зарабатывать себе приданое. Думаю, пять тысяч долларов, которые вы привезете с собой, будут отличным тому подтверждением...

– Да, конечно...

– Значит, вы согласны?

– Согласна.

Анюта не просто согласна. Она была в восторге от столь замечательного предложения.

Она едет в Америку зарабатывать себе приданое. Она вернется домой с деньгами и без ребенка. Ее сын или дочка останется в надежных руках. Американцы – они ведь все богатые, никто из них не живет впроголодь. И у всех у них такие красивые дома.

И у нее здесь, в России, будет красивый дом – в нем она будет жить с Данилой.

Данила... Он никогда не узнает о ее грехопадении...

2

– Твой билет...

Круглый протянул Даниле конверт с авиабилетом.

Этот монстр соответствовал своей фамилии. Круглая фигура, круглое лицо, голова-шар, лысая, ни единого волоска. Внешне он производил впечатление добродушного толстяка. Но это обманчивое впечатление. У Круглого черная душа, ум злого гения, повадки сатанинского отродья. Официальная его должность – заместитель начальника службы безопасности фирмы «Эполет». Неофициально – начальник отдела физического воздействия при этой службе.

– Билет на самолет до Петербурга. После исполнения и получения подтверждения тебе вручат билет до Анталии. И пять тысяч долларов...

Все это Данила знал и без того. После исполнения заказа он вылетает в Турцию, на отдых. Три месяца на курорте. Если за это время менты не возьмут его след, он преспокойно вернется обратно. Если возьмут, тогда случится то, о чем лучше не думать. Но он не «засветится», это точно. Он профессионал, за его плечами мастерство исполнения и богатый опыт.

Заказ достаточно солидный. Председатель правления крупного коммерческого банка. Его безвременная смерть принесет торгово-закупочной фирме «Эполет» большую выгоду. Насколько большую, этого Данила не знал, да и не пытался узнать. Но гонорар ему причитался весьма и весьма. Тридцать тысяч долларов. По нынешним посткризисным временам это огромные деньги. Пять тысяч наличкой, остальное – на банковский счет.

Посткризисные времена... А других времен Данила и не знал...

Из армии он вернулся в мае девяносто восьмого. Месяца три в селе родном гулял. Баклуши бил. Пока не влюбился. В Анюту. Пытался подкатиться к ней. Да только та в его сторону даже не взглянула.

Анюта настоящая деревенская красавица. Огонь-девка, кровь с молоком. Пышные формы, крутые бедра. Не то что городские красотки – бледные, тощие, как куры из магазина.

На любовном фронте Данила успехов не добился. Зато ему повезло с работой – так ему тогда казалось. К старшему брату в Черноземск поехал, тот ему помог в фирму «Эполет» устроиться. Сначала простым охранником. А затем...

Несколько месяцев его просвечивали со всех сторон. Заставляли заниматься физической подготовкой. В армии он в мотострелковых войсках служил. Наряды, караулы, хозработы, обустройство приусадебных офицерских участков – в общем, все, что угодно, только не боевая подготовка. Хотя, конечно, несколько раз на полигоне побывал. Из автомата пострелял, из гранатомета, из автоматической пушки на БМП. Ну зарядка еще там, кроссы на десять километров по большим праздникам. Но все это по мелочи. Одним словом, не воспитала армия из него Рэмбо. Поэтому трудно ему пришлось на тренировках уже в гражданской жизни. Не показывал он высоких результатов. Зато показал класс в тире. После нескольких занятий стал легко загонять пули в «десятку». Как будто с детства только и делал, что из пистолета стрелял. Инструктор по огневой сказал, что у него врожденный дар.

Данила уже не помнит, как все это произошло...

Для него это был сон. Не кошмарный, но и приятным не назовешь. Его вызвал к себе Круглый, предложил подзаработать. Дело плевое, как он сказал. Какой-то журналист из мелкой газетенки не понимает остроты текущего момента. Что подразумевал под этим Круглый, Данила не понял. Зато понял, что ему предлагают ликвидировать этого журналиста. Подход, выстрел, отход. И в награду – три тысячи долларов. Это уже после кризиса августовского было. Три тысячи из больших уже перешли в разряд очень больших денег. С его ежемесячной зарплатой в сто пятьдесят долларов нужно два года работать, чтобы заработать столько. В общем, он согласился.

Спрятался в подъезде, дождался журналиста. Спокойно достал пистолет. Приставил ствол к его затылку и спокойно нажал на спусковой крючок. Все очень просто...

За первым заказом последовал второй. На этот раз Даниле пришлось стрелять из окна машины. Водитель подвез его к жертве. Данила достал ствол и с расстояния десять метров расстрелял ее. Первый выстрел – в сердце; второй, контрольный, в голову. Это был бизнесмен. За него Данила получил пять тысяч долларов.

Следующий заказ на выезде. Он прикончил какого-то бизнесмена в Москве. Неделя подготовки, все тот же подход. Два выстрела. Отход. Десять тысяч долларов. И отпуск. В тамбовские края. Два месяца специальной подготовки при каком-то спецназовском полку.

И дальше он продолжал убивать. В паузах между исполнениями продолжал совершенствовать свой профессиональный уровень. И в настоящее время являл собой высококлассного, отлично подготовленного убийцу.

Всего один у него недостаток. Острое недовольство своей профессией.

До недавнего времени все было в порядке. Убивал легко и хладнокровно, никаких угрызений совести. Но последний заказ его сломал. Морально убил.

Он исполнял какого-то чиновника. Выстрелил в него, когда тот заходил в подъезд собственного дома вместе со своим малолетним сыном. Данила стрелял только в мужчину.

Все те же два выстрела. В грудь, в голову. Мужчина упал, обливаясь кровью. А его сын выстрелил в Данилу. Не из пистолета, нет. Он всего лишь закричал: «Папа!!!»

Этот крик до сих пор стоит у него в ушах. Как только он думает об этом, так в душу врывается арктический холод. Кровь стынет в жилах, душа жгутом скручивается.

После этого заказа он мог бы остаться в Черноземске. Снова спортзал, снова полигон, тир. Он мог бы продолжить самосовершенствование. Но ни к чему это ему больше, ни к чему. Хватит, он больше не будет убивать...

Данила уехал в свое родное село. На отличном, девяносто шестого года выпуска «БМВ» пятьсот двадцать. И дом себе двухэтажный с ходу купил. Недостроенный. Его достраивали мастера, которых он нанял. А сам он пока жил у родителей. Жил – не тужил. Только время от времени доносился до него отчаянный крик осиротевшего малыша...

Он не хочет больше убивать. Он не будет больше убивать... Но все это грезы. Он понимал, что Круглый не отпустит его просто так. Но все же Данила сделал попытку. Съездил к нему. Переговорил.

«Как мне отойти от дела?..»

«Это невозможно...»

«Я буду жить в своей Осиновке. И носа из нее не показывать...»

«Осиновка – это деревня?»

«Село...»

«Какая разница?..»

Круглый долго-долго думал. Затем решил.

«Последний заказ. Очень важный. Исполнишь. И можешь отправляться в свою Осиновку... Но сначала три месяца на заграничном курорте. Заказ очень серьезный, после исполнения тебя будет искать не только милиция, но и мафия...»

«Я могу отработать бесплатно. Лишь бы только после этого вы мне позволили отойти от дела...»

«Отойдешь... Только у нас все по правилам. Сделал работу – получи расчет. Поэтому без гонорара ты не останешься... Тридцать тысяч долларов...»

На этом и договорились. Данила снова отправился в свое село. Чтобы вернуться в город ровно через неделю.

Он уже собирался уезжать, когда совершенно случайно встретил Анюту. Она ничуть не изменилась. Разве что только с возрастом красота ее стала более яркой, более оформленной. И все такая же пышная, все такая же нежная.

Только она была в расстроенных чувствах. Какая-то печаль в ее глазах. Но это лишь только заинтриговало Данилу. Он обрадовался, когда узнал, что Анюта не замужем. И на следующий день заслал к ней сватов. А еще через день встретился с ней наедине.

Сказал, что уезжает. Надолго. Она обещала его ждать.

Это было для него своего рода знамение. Он исполняет свой последний заказ. И возвращается домой, где его ждет любимая девушка, его невеста. Свадьба. Новая жизнь в новом доме. Больше он никого не будет убивать. Он будет жить нормальной жизнью нормального сельского жителя. И о своем страшном прошлом не расскажет никому. И когда-нибудь забудет, что был профессиональным убийцей...

* * *

Данила сидел в машине. И наблюдал из окна за парадным входом в банк «Север-Империал». Вот-вот должен был показаться председатель правления.

И он показался. Среднего роста статный мужчина с глубокими залысинами. Он узнал его по фотографии, которую уже давно успел зафиксировать на экране мысленного взора.

Скорыгин Евгений Петрович. Председатель правления банка. Человек, по какой-то причине неугодный генеральному директору фирмы «Эполет». За него Данила получит тридцать тысяч долларов и билет до Анталии.

Скорыгин Евгений Петрович. Глава семьи, отец двух детей. И он должен его убить. Если он его не убьет, убьют самого Данилу. Слишком хорошо он знал Круглого, чтобы утверждать обратное...

Банкир подходил к своему джипу в сопровождении дюжих телохранителей. Их было четверо.

– Охраняют его прилично...

Это Сатин. Он отвечает за обеспечение операции. Он же должен вручить Даниле билет до Турции и деньги. Заграничный паспорт с открытой визой у него уже в кармане.

– Я это понял и сам.

Джип «Ланд Крузер», ничего необычного.

– Тебя подвезут прямо к машине, – решил Сатин. – Оружие у тебя будет достаточно мощное. Автомат с усиленными патронами. Ты расстреляешь банкира в упор...

Лицо Данилы окаменело. До него дошло, какой вариант ему предлагают. Это форменное самоубийство. Возможно, Данила и грохнет Скорыгина. Но при этом его самого до отвала накормят «маслинами».

«Кто тебя надоумил? Круглый?.. Избавиться от меня хотите?» – хотел он спросить у Сатина.

– Ты что, белены объелся? – спросил Данила. – Что, совсем мозги отморозились?..

Что толку спрашивать про Круглого? Сатин все равно ничего не ответит. Зато Данила откроет перед ним свои карты. Даст понять, что раскусил их с Круглым.

А он их раскусил. Это однозначно. Данилу хотят убить. Но после того, как он расправится с банкиром...

– А что ты предлагаешь?

Сатин заметно нервничал. И упорно смотрел прямо перед собой. Боялся глянуть Даниле в глаза.

– А ты?..

– У меня нет вариантов.

Врет. Вариантов тут полный вагон. Хотя, может, Сатин привык работать по стандартной схеме. Все тот же подход, все тот же выстрел. Два выстрела, три, десять, сто – это уже нюансы. После исполнения отход. Все просто. Но не всегда в простоте заложена гениальность.

Сатин поднаторел в простеньких схемах, когда жертву исполнить легко и просто. В подъезде дома застрелить, где-нибудь на природе в безлюдном месте. Высший пилотаж – расстрелять на улице и скрыться на машине. И всегда его план срабатывал. Потому что в подавляющем большинстве фирма «работала» с простыми «клиентами». Теми, которые не пользовались услугами телохранителей.

А сейчас перед фирмой солидный «клиент». Банкир, с ним четыре телохранителя. Достаточно крупная фигура. А Сатин к ней со своими стандартными подходами... Может, он просто тупой, недоразвитый кретин. И заговор против Данилы – это чистой воды вымысел. Все может быть. Но заговор исключать нельзя.

– У меня есть...

Данила ощущал себя на голову, а то и на две выше тех же Сатина и Круглого. За ними сила. Но Даниле ничего не стоит справиться с ними самими. Потому что он – профи, потому что он гораздо умней их и сообразительней.

– Кусок пластита, детонатор и двести долларов – вот и все, что от тебя требуется.

– Зачем?

– Узнаешь... А сейчас отвези меня в «Детский мир»...

– Куда?

– Куда слышал.

В ближайшем магазине детских игрушек Данила купил радиоуправляемый автомобиль. Точная копия шестисотого «Мерседеса».

– Зачем тебе это? – спросил Сатин.

– Надо... Как думаешь, под днищем «Крузера» пройдет?..

– Не знаю...

– А я знаю. Знаю, что пройдет.

– Ну пройдет, ну и что?..

Данила удивленно посмотрел на него. Или притворяется, или на самом деле полный идиот.

– Взрывчатку гони.

– Будет тебе пластик... Слушай, ну зачем тебе эта игрушка?..

Да, похоже, в голове у Сатина солома вместо мозгов. А может, он всего лишь прикидывается дураком?

* * *

Скорыгин выходил из банка в строго отведенное время. В половине шестого вечера. Не в его правилах задерживаться на работе после окончания рабочего дня. К жене он торопился. Или к любовнице. Или, может, спешил на тренировку в какой-нибудь элитный спортивно-оздоровительный комплекс.

Их машина стояла на противоположной стороне улицы. В ста метрах от двух джипов, в один из которых садился сейчас Скорыгин. Место достаточно спокойное, редко какая машина проедет по этой улице. И сейчас движения нет. Разве что отправится в путь игрушечный автомобиль.

– Ну что, брат, вспомним детство? – спросил у Сатина Данила.

Вообще-то он явно преувеличивал. В его детстве не было радиоуправляемых «мерсов». Зато такая машина есть у него в настоящем.

Он нажал на клавишу пульта дистанционного управления. «Мерседес» вынырнул из-под их «Нивы» и, набирая скорость, устремился к джипу «Ланд Крузер» с банкиром на борту.

Вряд ли кто обратил внимание на игрушечную машину – слишком быстро преодолела она расстояние. Вряд ли кто увидел, как она шмыгнула под «Крузер», остановилась под ним.

– Теперь понял? – спросил Данила.

– Не-а, – покачал головой Сатин.

Врет он. Все он понял. Не так уж он глуп, как кажется или хочет казаться...

Данила положил палец еще на одну кнопку, которая не входила в комплект поставки. Он сам установил ее в паре с простейшим радиопередающим устройством собственного изготовления.

Он нажал на нее. Но ничего не произошло.

– А сейчас должен был быть взрыв, – невозмутимо спокойно пояснил Данила. – Нажал на кнопочку, и взрыв. Машина взлетает в воздух. Понял?

– Понял... Эй, а почему она не взорвалась? – Сатин аж подпрыгнул на своем месте.

– Потому что я этого не захотел.

– Не понял.

– Скажи, на твоей голове в детстве орехи не кололи?.. Почему ты такой тупой?.. Ничего не понимаешь... А ведь все очень просто. Не хочу я убивать. Не хо-чу. И не буду. Теперь понял?

Данила все подготовил к взрыву. Осталось только взрывчаткой машину начинить. Но не смог он этого сделать. Понял, что не сможет он убить банкира. Хороший он человек или плохой, но у него двое детей. Как они будут жить без отца?..

– Эй, ты чего?..

– А ты чего?.. Если тебе надо, возьми да сам убей!.. А я все, умываю руки.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

– Значит, ты выходишь из игры.

– Начисто. А что ты стоишь? Поехали. Или ты хочешь, чтобы нас телохраны накрыли?..

Сатин угрюмо кивнул и плавно тронул машину с места. Набирая скорость, «Нива» обошла джип, который почему-то все еще стоял на месте.

– Зря ты так поступил, – спустя какое-то время сказал он.

– Может, и зря. Но убивать я больше не хочу. Тем более банкир мне ничего плохого не сделал.

– Но ты же мог получить за него деньги.

– Эти? – Данила кивнул на кейс на заднем сиденье.

– Ну да. Других нет.

– А куда мы сейчас едем?..

– Вообще-то я должен был отвезти тебя в аэропорт.

– А сейчас вези меня домой. Бери курс на Черноземск.

– Что, прямо сейчас?

– А ты что-то имеешь против?..

Сатин и пикнуть не успел, как Данила вытащил ствол и сунул ему под правое нижнее ребро.

Они были далеко за городом, когда Сатин захныкал:

– Я знаю, ты меня грохнешь.

– Нужен ты мне больно.

– Все равно грохнешь.

– Заткнись!

– Возьми деньги, а? И машину забери. Только меня отпусти...

– Деньги, говоришь?.. А ну-ка сверни в этот лесок.

Сатин почувствовал подвох. Но послушно съехал с шоссе.

– Значит, деньги предлагаешь? – спросил Данила.

В голосе его звучало сомнение.

– Ага, забирай...

Сатин отвел в сторону взгляд. Это усилило подозрения Данилы.

– Что ж, показывай деньги...

Он положил кейс Сатину на колени. Второй рукой открыл свою дверь. И задом выбрался из машины. Попятился, но продолжал держать Сатина на прицеле.

– Ну, открывай, я жду.

Сатин позеленел от страха, его залихорадило, лицо перекошилось. Руки тряслись. Трудно будет ему набрать код. Впрочем, он даже не попытался открыть кейс.

– Ну, чего ждешь? Открывай! Считаю до трех... Раз!.. Два!..

– Не-ет! – Сатин в ужасе отшвырнул от себя кейс.

– Чего так? Боишься?..

– Боюсь.

– Взорвется?

– Да!

Данила подошел к машине, забрался внутрь. Снова сунул ствол ему под ребро.

– А какого ж ты ляда мне эту хренотень подсовывал? Круглый велел?

– Да!

– А ведь я мог кейс при тебе открыть.

– Взрыв направленный. Тебе бы голову сорвало. А меня бы даже не контузило.

– И чем же моя голова Круглому помешала?

– Откуда я знаю?.. Мне приказывают, я делаю.

– Да, весело.

– Кому как.

– А я тебя развеселю.

Данила снова взял кейс, снова поставил его на колени Сатину. И снова выбрался из машины.

– Не-ет! – заскулил тот.

– А я говорю – да! Давай так договоримся, если уцелеешь, я в тебя стрелять не буду. А если нет... Если нет, зачем я тогда буду стрелять?

Сатин закивал. И начал набирать код замка. Он открыл кейс. И даже успел отвести голову от линии предполагаемого взрыва. И одновременно оттолкнул кейс от себя в сторону.

Но спастись он не смог. Взрыв страшной разрушительной силы разметал его на куски. И машину вдребезги.

Данила достаточно далеко отошел от машины. И вовремя пригнулся к земле. Мощная ударная волна прошла над ним, не причинив никакого вреда.

Он поднялся на ноги. Какое-то время смотрел на развороченную и полыхающую машину. И думал о человеческой подлости.

Оказывается, Круглый обманул не только его. Он хотел избавиться одним махом и от самого Сатина.

По всем расчетам, Данила должен был открыть кейс в машине в присутствии Сатина. Чтобы проверить, на месте ли билет и деньги. Это по воле случая Данила не полез в кейс. И вовремя смекнул, что к чему. Поэтому он сейчас здесь, возле пылающей «Нивы». Здесь, а не на небесах.

Данила глянул на свой пистолет. Взвесил его в руке. Как будто примеривался, сможет ли он одолеть Круглого. Не так уж это просто. Босс его не один, за ним убойная камарилья.

И вся служба безопасности фирмы «Эполет». А это не просто фирма, это своего рода мафия. Сплошной криминал, покрытый тонкой коркой законности...

Трудно ему придется. Очень трудно. Но деваться некуда. Не оставит его Круглый в покое. Значит, надо его самого отправить на тот свет...

Глава четвертая

1

– Вам, Вероника, у нас очень хорошо. Вам очень у нас нравится. Вы наслаждаетесь чистотой воздуха, вам уютно в нашем общежитии, у вас своя комната, вас хорошо кормят...

– Да, мне здесь очень нравится, – кивала Вероника.

Среднего роста, в меру упитанный мужчина проникновенно смотрел на нее. Улыбался ей. А улыбка у него мягкая, милая, добрая. И голос чрезвычайно приятный. Бархатистый, нежный, убаюкивающий. И взгляд, и его голос проникали в самую душу. Ласкали, гладили, прогревали солнечной энергией.

Вероника не помнила, как долго она тогда ехала в автобусе. И дорогу не пыталась запомнить. В себя она начала приходить, когда оказалась в каком-то пансионате. Длинные свежесвыбеленные строения в несколько рядов, разделенные сеткой-рабицей. Четырехэтажный корпус из силикатного кирпича. Дорожки, выложенные тротуарной плиткой; зеленеющие газоны; садовые деревья на каждом шагу. И вокруг всего этого две высокие ограды из железных, остро заточенных шестов; между ними проход шириной в два человеческих роста. У ворот строение – что-то вроде контрольно-пропускного пункта. Вероника видела, как из него выходил бравый парень в камуфляже. Вроде бы без оружия.

Ей отвели комнату в общежитии – так назывались одноэтажные строения. Комната – слишком громко сказано. Скорее келья, в которой едва умещалась одноместная железная койка. Тумбочка, стул, простейшая вешалка для вещей. Вот и вся мебель. Занавесочки на окнах сиротские.

Их всех развели по «кельям», дали часик-другой на освоение, а затем собрали вместе. Сказали, что они находятся в лесном санатории. С завтрашнего дня начинает работать медкомиссия. Их будут обследовать на предмет допуска к работам на хлопковых плантациях. Если вдруг у кого-то проблемы со здоровьем, назначат курс санаторного лечения. Не совсем здоровых за пару недель подлечат. А пока на них будут оформлять заграничные паспорта, решать вопросы с визами.

Кроме вновь прибывших, в санатории были другие «курортницы». Много женщин. Но куратор сразу запретил общаться с ними. И вообще не рекомендовал отходить за ограждение вокруг общежития. Сказал, что на их группу наложен карантин.

Их группа – это девчонки, которые прибыли в одном автобусе с Вероникой. И еще одна партия «рабынь», прибывших на следующий день. Именно рабынь. Их везут, как быдло, в Америку, на хлопковые плантации. И никто даже не скрывает, что они могут там загнуться от каторжных работ. Их всех низводят до положения рабынь. Все это осознавали. И все первые дни роптали.

Но с каждым днем ропот становился все тише и тише. То ли от того, что девчонки жили в отдельных комнатках, вместе собирались не так уж часто – в столовой четыре раза в день и у телевизора по вечерам.

А может, на них действовала расслабляющая атмосфера санатория. Кормили их хорошо, досыта. Утром до самого обеда медкомиссия и процедуры. Затем – «тихий час». После – снова процедуры, спортивный зал, тренажеры. Полдник, личное время, поздний ужин. Телевизор. Затем отбой. Не жизнь, а малина.

Да, жилось им неплохо. И об этом каждый день Веронике напоминал Игорь Васильевич. Они встречались в его кабинете, оставались с глазу на глаз минимум на полчаса. А после обеда групповой сеанс психотерапии. В полутемной комнате собирались пятнадцать девчонок, все

ложились на кушетки, закрывали глаза, расслаблялись. А Игорь Васильевич проводил сеанс гипноза. Говорил, что это очень полезно для психики. У них вырабатывается устойчивый психоиммунитет, который чрезвычайно важен для них в условиях предстоящей работы...

– О вас заботятся достойные люди. Они любят вас. Они делают все, чтобы вам жилось хорошо...

Сегодня она снова в его кабинете. Она и он, больше никого. Это индивидуальный гипноз. Вероника под его властью.

– Мы живем хорошо, – зачарованно повторяла она.

Первое время, когда выходила из его кабинета, даже посмеивалась над его усилиями надеть на нее «розовые очки». Но сейчас она воспринимала свою жизнь в розовом свете и вне стен санаторного корпуса. И все другие девчонки считали, что им всем страшно повезло. Вначале они выражали свою радость, открыто восторгались. Но затем как будто что-то притупилось в них. И Вероника чувствовала себя чуточку подавленно. Она радовалась жизни, но ее эмоции не выпирали наружу. Как будто каким-то прессом их придавило.

Ее совершенно не тянуло к девчонкам. За столом она ни с кем не разговаривала. Да и ее соседки тоже не проявляли особого желания вести беседы. Все о чем-то сосредоточенно думали. Как тогда, в кафе, где им подавали кофе с сильнодействующим успокоителем. Сейчас им никаких препаратов не давали. Вероника была в этом совершенно уверена. Но психика их была подавлена и без того. Сказывался каждодневный сеанс целенаправленного гипноза.

Еще недавно Вероника отдавала себе отчет, что на ее психику оказывают давление. Но сейчас она уже ни о чем не думала. Не хотелось напрягать голову.

– Ваши благодетели отдают вам свою душу, жертвуют своим временем, деньгами. Они любят вас, – монотонно приятным, убаюкивающим голосом говорил Игорь Васильевич. – Они любят вас. И ждут от вас ответного проявления чувств. Вы должны любить своих благодетелей...

– Должны любить, – кивнула Вероника. – И мы любим их... Я их люблю...

– И должны слушаться их...

– Я буду послушной...

– Мы должны с благоговением принимать их заботу о нас...

– Они очень хорошие....

– Поэтому мы должны делать все, что нам велят...

– Я готова исполнить все...

Игорь Васильевич кивнул. Взял Веронику за руку. Помог подняться с кресла. И провел в соседнюю комнату. Там она еще никогда не была.

В комнате по-домашнему уютно. Двухспальная кровать, застеленная свежим бельем, гарнитурная стенка, видеодвойка «Панасоник», мягкий ковер на полу. И вторая дверь. Но не со стороны коридора. А в какой-то другой кабинет.

– Раздевайтесь, – сказал психотерапевт.

Вероника привычно сняла с себя одежду, разделась до трусиков и лифчика.

В пансионате она уже месяц. И все это время ее каждый день обследуют. Постоянные встречи с врачами. Всевозможные анализы, УЗИ, компьютерная диагностика. Углубленное медицинское обследование. Как будто не для работы на плантациях их готовят. А для чего-то другого. Впрочем, Вероника уже ни над чем не задумывалась.

Недели две назад ее подвергли странной процедуре. Под местным наркозом воткнули в живот что-то похожее на большой шприц. Вероника знала, что так происходит искусственное оплодотворение. И сказала об этом врачу. Тот только усмехнулся. Спросил, зачем им отправлять на каторжные работы беременную женщину. Он сказал, что у нее из матки взяли какую-то субстанцию для исследования. Она ему поверила. Потому что уже тогда не могла усомниться в искренности его слов.

С тех пор она регулярно обследовалась у этого врача. И не задавала при этом никаких вопросов. Ей не хотелось ничего узнавать. Ей хорошо здесь, в этом пансионате, да и ладно. А больше ей ничего и не надо.

– Бюстгальтер тоже снимайте.

Она кивнула и обнажила высокую красивую грудь.

– И трусики.

Вероника послушно разделась догола.

– Благодетель ждет встречи с вами. Он хочет узнать, как сильно вы его любите.

– Я его люблю...

– Ложитесь.

Вероника легла, прикрыла лобок и груди руками. Игорь Васильевич кивнул и вышел из комнаты. Зато появился какой-то парень.

Он ничего не сказал. Жадно облизнулся. Начал лихорадочно раздеваться. Разделся догола.

– Вы мой Благодетель? – спросила Вероника.

Она понимала, что с ней хотят сделать. Что-то внутри ее упорно восставало против предстоящего действия. Ей вовсе не хотелось отдаваться этому парню.

Но если он Благодетель, то она должна ему уступить. Ведь Благодетель так много сделал для нее. Он любит ее. И она должна любить его...

– Ага, благодетель, – кивнул он.

И подошел к ней, сел на кровать. Положил руку на ее живот.

– Я вас люблю, – тупо проговорила Вероника.

– Я тебя тоже...

Он провел рукой по животу вверх, дотянулся до ее груди, затеребил пальчиками ягодки сосков.

Обычно Вероника откликалась на эту ласку. Но сейчас ей ни капли не было приятно. Мало того, ласки этого парня вызывали у нее отвращение.

А тот уже пытался просунуть руку меж ее сжатых ног. Это уже слишком.

Вероника встрепенулась, забилась в угол кровати, закрылась руками.

Она отказала Благодетелю. Она не должна была этого делать. Нужно исправиться, стать послушной, уступить ему. Но она не могла переступить через себя.

Она смотрела на парня безумными глазами и дрожала как в лихорадке.

Открылась дверь, и в комнате появился Игорь Васильевич.

– Молодой человек, вы свободны, – сказал он.

Тот досадливо махнул рукой, что-то пробурчал себе под нос, но начал одеваться.

Оделась и Вероника. И снова оказалась в кресле перед психотерапевтом. Снова попала под магический его взгляд.

– Вы непослушны... – сказал он. – Так нельзя.

– Нельзя... – эхом откликнулась Вероника.

– Это не должно больше повториться.

– Не должно...

– Вы будете умницей.

– Буду...

Он снова гипнотизировал ее, взглядом и голосом убаюкивал сознание. Но в соседнюю комнату больше не отводил. После окончания сеанса просто выпроводил ее из кабинета.

Вероника вышла из санаторного корпуса. И покорной овечкой поплелась в общежитие. В ее запутанной голове не было даже проблеска мысли о побеге...

2

Егор высоко подпрыгнул, уцепился за тонкую трубу газоотвода. Подтянулся, перенес руки вверх по вертикали трубы. Как по шесту, добрался до балкона второго этажа. Снова предельное усилие мышц, и он уже на балконе.

На дворе ночь. А в комнате за окном горит свет. И штора неплотно задернута. Можно видеть, что происходит внутри дома.

Но лучше бы Егор этого не видел.

Лена. Его подруга. Любовь у них была. Он даже жениться на ней собирался. Только не успел. За убийство под следствие сначала загремел. А потом по этапу пошел.

Ждать она его не обещала. Да он и не требовал. Шутка ли, пятнадцать лет ему отмерили. Разве ж сможет она дождаться его? Это ж вся жизнь мимо пройдет...

Баба она справная. Всё при ней. Очень женственная. И своя квартира. Двухкомнатная, от бабушки осталась. Такие невесты в девках долго не сидят. И Лене после Егора недолго суждено было одной оставаться. Должен был появиться у нее воздыхатель. Разум подсказывал. А вот нутром своим Егор отказывался в это верить. Поэтому сейчас втайне надеялся застать Лену одну.

Но, увы, в своей квартире она не одна. Какой-то парень рядом. Сидит с ней на диване, нежно обнимает. И что-то ей рассказывает. Она улыбается и льнет к нему. Тихое семейное счастье – вот как это называется. А Егор так некстати.

Но он не уходил. Оставался на балконе и продолжал следить за тем, что творится в квартире. И дождался-таки своего. Парень встал, потянулся, взял со стола пачку сигарет, зажигалку и направился к выходу на балкон. Лена же вышла из комнаты.

Егор затаился.

Парень вышел на балкон. Облокотился на перила. Задумчиво посмотрел вдаль, достал из пачки сигарету.

– Закурить не найдется? – тихо спросил Егор.

– Да, пожалуйста...

Все в той же задумчивости он протянул ему пачку. И вдруг спохватился. Резко развернулся к нему лицом. От удивления вперемешку со страхом глаза у него на лоб полезли.

– А-а... – только что и смог выдать он из себя.

– Да ты не робей! – успокоил его Егор. – Привет. Я Егор... Ты, наверное, слышал обо мне. От Лены.

– А-а, да-а...

– Ты ей кто, муж?

Он кивнул.

– Давно поженились?

Парень покрутил головой.

– Да ты не бойся, я тебя не съем.

– Да я и не боюсь.

Наконец-то он смог произнести что-то членораздельное.

– Тогда в дом приглашай. Я, конечно, гость незванный. Хуже татарина. Но принимай уж, какой я есть. Другого выхода у тебя просто нет.

Парень кивнул. Но продолжал стоять. Егору пришлось поторопить его. Двумя руками он сжал его плечи, втолкнул в комнату. Сам подался за ним.

– Женя, что там такое? – В комнате появилась и Лена.

– Что такое, кто такой... Это я, Ленусь...

Лена не сразу узнала Егора. И это неудивительно. Обветренное, небритое лицо, воспаленные глаза, одежда: старые брюки с чужой задницы, фуфайка, резиновые сапоги. Сам грязный, давно не мытый. Самый натуральный бомж.

Три дня назад он прилетел в Воронеж на самолете. На выходе из аэропорта он затерялся в толпе вахтовиков. Но в автобус вместе с ними садиться не стал. Бочком, бочком – и пропал из виду.

Затем железнодорожная станция, товарный состав. От Воронежа до Черноземска всего ничего, полдня пути. Но Егор добрался до родного города за два дня. Намучился, зато на ментов ни разу не нарвался.

А сегодня вот к Лене пожаловал. Только его здесь никто не ждал.

– Егор... Не может быть...

– Да вот, по амнистии выпустили.

Не говорить же ей, что он в бегах.

– А мне сказали, что ты совершил побег.

– Кто сказал? – насторожился Егор.

– Из милиции приходили.

Понятное дело, его подали во всероссийский розыск, ищет местная милиция. Именно поэтому он не появился у родителей. В свою квартиру идти смысла вообще не было – ее каким-то грузинам сдали. К сестре нельзя, к брату, к дяде родному. Там тоже могут его ждать. Но, оказывается, менты и до Лены добрались.

– Даже так... Тогда мне уходить надо...

Именно так и Лена думала. Не нужен он ей. Торопится избавиться от него. В глазах у нее это написано.

– Может, тебе что-то нужно? – спросила она.

– Бутербродов сделай.

Егору до жути хотелось есть.

– И денег, если есть, дай.

В свое время он делал ей дорогие подарки. На шубку норковую не поскупился. Неужели он не заслужил хоть немного благодарности?

– А ты, – Егор посмотрел на парня, – мне что-нибудь из одежды дай... Только не жадничай.

Они примерно одного роста, одной комплекции. Почему бы не воспользоваться его одеждой? Не обеднеет.

– Да, да, конечно...

Муж Лены засуетился. Достал из шкафа комплект чистого белья, бросил Егору старые, но чистые джинсы, рубаху, свитер. Лена сходила за деньгами.

– Тут немного, всего семьсот рублей... Это все, что у нас есть...

Семьсот рублей, что-то около двадцати пяти долларов. Когда-то такая сумма казалась Егору мизером. Но сейчас для него это целое состояние.

– Спасибо. Я верну.

– Когда? – усмехнулась Лена.

– Когда-нибудь...

Она отправилась на кухню делать бутерброды. А Егор взял чистую одежду в охапку. И уже собрался идти в ванную. Но что-то заставило его глянуть в окно. Он увидел, как к дому тихо, без мигалок подбирается милицейский «луноход». Наверняка по его душу менты нагрянули. И вряд ли их вызвала Лена или ее муж. Не видел Егор, чтобы кто-то из них подходил к телефону.

Машина остановилась возле подъезда. Из нее выбрались два сержанта в форме. Один с дубинкой и пистолетом, другой – с автоматом. И мужик в кожанке. Возможно, опер.

Сержант с дубинкой встал под балконом. Четко работают, гады. Все пути отхода перекрывают. Опер и сержант с автоматом зашли в подъезд. Подняться на второй этаж дело пяти секунд.

У Егора было два выхода. Или идти на прорыв, или взять заложника. О том, чтобы сдать ментам, не могло быть и речи. Не для того он рисковал жизнью, когда уходил в бега.

Он выбрал первый вариант. И, едва звякнул звонок в квартиру, перемахнул через балкон и словно коршун с высоты опустился на сержанта. Тот успел закрыться руками, но в сторону уйти не смог. Егор сбил его с ног. Не давая опомниться, перевернул на живот, заломил руки за спину. Снял с его пояса наручники. Клацнули «браслеты». Все, этот мент ему больше не помеха.

– Стой, стрелять буду! – раздалось над головой.

Кричали с балкона. Ясно кто. Опер или сержант с автоматом. Быстро же они сообразили, где мог сейчас быть Егор.

Только стоять он не собирался. Как будто ветром сдуло его с сержанта. Он резко подался в сторону и вдоль стены от подъезда к подъезду обошел дом, проскочил через темный двор двух девятиэтажек и затерялся в темноте какого-то сквера.

Он мог бы не тратить времени на наручники. Вместо них мог забрать у сержанта его пистолет. Но тогда бы его искали с тройным пристрастием. А он и без того едва от ментов ноги унес.

Егор остался без бутербродов, во время бегства потерял одежду. Зато остались семьсот рублей. Значит, не зря он ходил к Лене.

Менты искали его. Проверяли все адреса, по которым он мог находиться. Родители, родственники, бывшая любовница. И наверняка прежде всего они взяли на контроль адрес Дениса Петрова. Потому что знали, у Егора к нему особые счеты...

С Денисом он хотел встретиться в первую очередь. Взять его за грудки, хорошенько встряхнуть и узнать, как так получилось, что из его пистолета застрелили Валеру Сидорова, их общего компаньона.

Егор Иванов, Денис Петров, Валера Сидоров. Три друга. Иванов, Петров, Сидоров. Вместе росли, вместе в армии служили – самой уставной троицей считались. Иванов, Петров, Сидоров... А потом вместе бизнес свой открыли. Сначала по мелочи коммерцией занимались, затем свой магазин открыли. Супермаркет в центре города. Один на троих. И все были довольны. До поры до времени.

А потом Валеры Сидорова не стало. Его нашли у себя в кабинете. С простреленной головой.

За пару часов до этого Егор и Валера сильно повздорили. Непонятно с чего Валера вдруг решил, что его жена изменяет ему с Егором. Бред сумасшедшего. Слишком сильно Егор Валеру уважал, чтобы такими глупостями заниматься. Но кто-то нашептал ему, кто-то стравил их между собой. И Егор скоро понял – кто. Этот спектакль был разыгран по сценарию, который сочинил Денис.

Егор и Валера поругались, накричали друг на друга. Затем успокоились. Распили мировую. Егор отправился к себе домой, а Валера остался в своем кабинете.

В своей машине Егор обнаружил одноразовую ракетницу. Она лежала на сиденье. Да, сегодня утром он подвозил Дениса. Вроде как у того машина сломалась. С собой у него было несколько ракетниц. Хотел легкий фейерверк по случаю своего дня рождения устроить. Одна ракетница случайно осталась в машине. Ее-то и взял тогда в руки Егор. Озорства ради выпустил в ночное небо ракету.

Он приехал домой, принял душ, перекусил, звякнул Лене. И лег спать. А после полуночи к нему пожаловали менты. И началось.

Оказывается, Валера был убит из пистолета, принадлежавшего Егору. Пистолет обнаружить не удалось. Но ведь он был проведен через разрешительную систему, через ментовскую пулегильзотеку. Получалось, Егор застрелил Валеру из своего пистолета, затем поехал домой, а по пути избавился от орудия преступления. Вдобавок ко всему на его одежде были обнаружены микрочастицы пороховых газов. Все из-за той чертовой ракетницы. Следователь обозвал его идиотом, когда Егор ему про эту чертову ракетницу рассказал.

Нашлись свидетели скандала между Егором и Валерой. Денис поведал следствию, что после этого подозреваемый и потерпевший остались вместе в кабинете, где произошло убийство. Вместе выпивали. Затем пошли версии. Валера остался в кабинете, прилег на диван. Егор же взял кожаную подушку, накрыл ею голову потерпевшего и произвел выстрел. Поэтому выстрела никто не слышал. После этого он скрылся с места преступления.

Следственный эксперимент подтвердил эту версию. Все совпадало по времени. Даже момент наступления смерти. А ведь этот момент невозможно вычислить с точностью до минуты. А если сразу после ухода Егора в кабинет к Валере зашел кто-то другой? Подсел к нему на диван, накрыл лицо подушкой. И выстрелил из пистолета, который можно было преспокойно взять из ящика стола в кабинете Егора. Только никто эту его версию и слушать не стал.

Егору настойчиво предлагали чистосердечно признаться в содеянном. И назвать место, где он избавился от пистолета. Признаваться ему было не в чем, а где пистолет – этот вопрос интересовал и его самого.

Затем был суд. Его обвиняли по статье сто пятой части второй. Умышленное убийство из корыстных побуждений. Ведь после гибели Валеры он якобы мог претендовать на часть его доли. Его несуществующая вина была доказана. Ему грозило до двадцати лет лишения свободы или пожизненное заключение. Но ему «повезло». Дали всего пятнадцать лет.

Его погнали по этапу, а Денис остался единственным владельцем их супермаркета. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, кто именно убил Валеру и подставил Егора. Тем более Денис на суде очень рьяно свидетельствовал против него. Разложил по полочкам все конфликтные ситуации, которые когда-либо возникали между Егором и Валерой. Очень четко обозначил предположение, что Иванов с давних пор ненавидел Сидорова и всегда завидовал ему.

Уж очень хотел Денис, чтобы Егора осудили на пожизненное заключение. Тогда бы ему вообще нечего было бояться. Впрочем, он и без того чувствовал себя преспокойно. Пятнадцать лет – это огромный срок. К тому же Егор мог и не дожить до выхода на свободу. Какая-нибудь ссора – и заточка в бок. Кстати, именно это Егору и грозило. Блатные прикончили бы его, но он вовремя «заточил копыта».

Теперь Егор на свободе. И готов рассчитаться с Денисом. Только тот наверняка знает о побеге. И, конечно, принял все меры предосторожности. Нельзя вот так наобум набрасываться на Дениса. Нужно выждать момент. Подкрасться к нему незаметно, ударить исподтишка. Для этого ему и нужна была Лена. Вернее, ее деньги и одежда мужа.

На квартире у Дениса, возможно, засада. Но зато вряд ли кто ждет Егора в супермаркете. Только и туда вот так, с панталыку, соваться не следует. Егор должен подгадать момент.

* * *

Возле супермаркета Егор был ближе к утру. Подошел к нему не со стороны центрального проспекта. Там чересчур светло, да и ментовские патрули нет-нет да появляются. Он подкрался к магазину со стороны рабочего входа. Торцом здание выходило на узкую улочку, за которой начинались высотные дома. Широкая, бронированная, отделанная золоченым пластиком дверь, мраморное крыльцо. По этим мраморным ступенькам когда-то поднимались к двери

и Егор, и Валера, и Денис. Теперь этим входом из них троих пользуется последний – а ныне первый и единственный – владелец супермаркета.

Завтра Денис будет возле рабочего подъезда. Сам или с телохранителями? Можно ли будет подобраться к нему, вырубить и впихнуть в его же машину, чтобы затем увезти с собой?.. Эти вопросы волновали Егора. И он должен получить на них ответы.

Неподалеку от рабочего подъезда возвышалась двенадцатиэтажная «свечка». Обычно в таких зданиях первый этаж занимают магазины, салоны мод или красоты. А в этом доме первый этаж жилой. Хорошо было бы снять здесь квартирку да понаблюдать за Денисом. Но на квартиру у Егора денег не хватит. Да и сдается ли квартира в этом доме?..

Зато наверняка в этом доме сдается подвал. Сразу три отдушины выходят на супермаркет. Вот откуда можно следить за Петровым.

Со стороны двора в подвал вели сразу две двери. На одной – замок, а вторая – нараспашку. Егор тихонечко шмыгнул в нее. Исчез в подвале. И, стараясь не шуметь, в темноте, на ощупь, прошел его от края до края. В отсеке, откуда можно было наблюдать за супермаркетом, было тепло, сухо. Грязь под ногами не хлюпала. Только воняло чем-то нехорошим.

Еще бы немного – и он добрался до отдушины. Вот она – свет уличного фонаря через нее в подвал просачивается. Но вдруг нога уперлась во что-то мягкое.

– У-у, – загудело это «что-то».

– Помогите, убивают! – истошно заорал кто-то другой.

Послышался щелчок. Под потолком вспыхнула лампочка. В тусклом свете Егор увидел людей. Если их, конечно, можно было назвать людьми. Грязные, вонючие, оборванные. Один лежал на драном матрасе прямо на полу. Второй – на куче какой-то рванины. Третий – на картонных упаковках, на него-то и наступил Егор.

Было и еще двое. Что-то вроде элиты. Оба лежали на трубах отопительной системы. На матрасах. И оба перекрывали путь к отдушине.

Егор сразу понял, кто перед ним. Бомжи. Изгои общества. Бездомные бродяги. И этот подвал – их обиталище. Можно сказать, они устроились в нем с комфортом. Сухо, тепло, лампочка под потолком, импровизированный стол в углу отсека, самодельная печка, на ней кастрюля. И даже магнитофон есть. Старая-старая отечественная «Весна». Егор уже даже забыл, как такие аппараты выглядят. Пришлось вспомнить.

Бомжи зашевелились, загудели. Вскочили со своих мест. Обступили Егора со всех сторон.

– Ты кто такой? – прошамкал беззубый старик с разодранной щекой.

Похоже, он был здесь самым главным.

– Это наше место! – хищно прошипел второй, не дожидаясь, когда ответит Егор.

– Да я что, разве против? – Егор не стал ерепениться. Ни к чему обострять ситуацию. – Живите, пожалуйста, мне-то что...

– А может, ты место для себя искал?

– Искал, – кивнул Егор.

Он вдруг понял, что сам мало отличается от бомжа. Грязный, невымытый, в обносках, да еще и без документов.

– А может, ты с нами хочешь жить?

– А можно?

– Да какой вопрос? Живи. Только за место платить надо...

– Сколько?

– А стол на братву накрыть. Водка чтобы была, закуска добрая...

Егор и сам жрать хотел до невозможности. И водочки бы с удовольствием хряпнул.

– Об чем базар, братья, гы-гы... Вот!

Он достал из кармана деньги. Один столярник, второй, третий. На этом и остановился. Но алчный взгляд старика требовал большего.

– Давай четвертый, – сказал он.

Егор жадничать не стал. И отдал ему четыре сотни. Толпа одобрительно загудела.

– Только за хавкой вы сами ходите. Я не знаю, где в этих краях ночные ларьки.

– Да ты не мохай, братуха, с хавкой мы разберемся.

За водкой и закуской послали бомжа, который спал на полу, но на матрасе. Егор занял его место. Сначала просто сел. А затем и лег – когда невольно стало бороться со сном.

– Ты поспи, браток, поспи...

Как будто бы издали услышал он голос старика.

– А мы тебя разбудим...

Старый не обманул. Когда стол был накрыт, его толкнули ногой в бок. Он проснулся и занял место среди «братьев». Невольно как жрать было охота. Но Егор с достоинством принялся за еду. Принял на грудь сто грамм явно паленой водки, сунул в рот кусок полукопченой колбасы.

Четыреста рублей на шестерых. Для кого-то это мало, но для бомжей это настоящий пир. Продукты из настоящего магазина, а не из мусорных контейнеров. Водка самопальная, но всем в кайф, в том числе и Егору.

Он наелся, напился. В благодарность за стол его уложили на матрас. На нем он и добрал остаток ночи. Утром будить его не стали. Он проснулся сам. И увидел, что в подвале остался только один старик.

– А где остальные? – спросил Егор.

– Как где? – как будто удивился тот. – На промысел пошли. Кто милостыню просить, кто бутылки собирать... Сам знаешь, как мы живем...

И почему-то подозрительно посмотрел на Егора.

– Да знаю, – махнул он рукой.

Как будто сам всю жизнь только и делал, что милостыню просил да в помойках ковырялся.

Но старик все равно продолжал смотреть на него с подозрением.

– Сегодня – ты наш гость. Сегодня – отдыхай. А завтра вместе со всеми на промысел пойдешь. Или тебе это в тягость?

– Да нет, я привык.

– Ну-ну...

– А можно, я на трубе полежу? – спросил Егор.

– Полежи.

Он забрался на трубу, на свободное место. Но не лег. А подобрался к отдушине.

– Что, на белый свет потянуло?

– Ага.

Егор увидел, как к супермаркету подъехала машина. Из нее вышел какой-то импозантный господин. Широким, хозяйским шагом поднялся по мраморным ступенькам, скрылся в золоченых дверях. Дениса же не наблюдалось. Ничего, еще появится.

– Ты что-то там высматриваешь? – спросил старик.

Кличка у него смешная. Ганджибасович.

– Да нет, просто на мир смотрю...

Егор с удовольствием бы заткнул ему рот потными носками. Но, во-первых, у него не было носков – резиновые сапоги надеты на босу ногу. А во-вторых, он должен был считаться с этим заморышем. Хоть и помойный, но босс...

– А может, на супермаркет заглядываешься?

– Да ну... Не по зубам он мне. А вообще-то неплохо было бы на него лапу наложить.

– А ты на вора не похож.

– С чего ты взял, что я вор? Я просто есть хочу. Есть у меня одна чересчур дурная привычка. Все время есть хочется.

Ганджибасович шутку не принял. Даже не улыбнулся. И в упор смотрел на Егора. Как будто в душу к нему забраться хотел.

У него не случайно Достоевский фамилия. Не потому что на великого писателя похож. А потому что достает...

– В супермаркете сейчас новый хозяин, – непонятно к чему сказал старик.

Но Егора, конечно же, эта новость заинтересовала очень-очень.

– Ну и что? – стараясь казаться равнодушным, спросил он.

– А то... Раньше три хозяина было. Одного убили, второй в тюрьме. Остался третий.

Только он магазин продал.

– Давно?

– Да вроде недавно.

– И где он сейчас?

– Не знаю... А тебе что, очень интересно?

– А мне все интересно, скучно потому что.

– Ну-ну.

Старик куда-то ушел. Но Егор этого даже не заметил. Потому что в голове забродили гнетущие мысли.

Денис продал магазин, выручил за него кругленькую сумму. А вдруг он и квартиру свою продал? И дернул с деньгами в другой город? Или даже за границу... Как ему тогда найти этого урода?

Ганджибасович исчез. Но появится снова. И если он так много знает, надо спросить у него, появляется ли еще Денис в супермаркете. Может, еще не до конца оформлена купля-продажа.

Но когда старик появился, Егор спросил его о другом:

– Слушай, старый, а откуда ты все знаешь про хозяев супермаркета?

Старик ухмыльнулся и почему-то подался назад. Что-то не понравилось Егору в его поведении, он протянул к нему руку. Но старик с неожиданной быстротой выскочил из отсека. Егор погнался за ним. Нырнул в темный проем.

И тут что-то тяжелое с размаху опустилось ему на затылок. В голове что-то взорвалось, в красном тумане ослепительно засверкали мириады звезд. А потом и этот красный свет померк перед глазами.

Очнулся Егор все в том же подвале. Наручниками прикован к какой-то трубе. Пред ним Денис. Один. Больше с ним никого. Но в руке пистолет. На всякий случай.

– Ты не бойся, стрелять я в тебя не стану, – усмехнулся Денис.

Располнел дядя, второй подбородок появился, глаза жирком подернулись.

– На свинью ты похож, – так и сказал ему Егор. – Жрешь потому что много. Да оно и понятно, от Валеры избавился, от меня. За троих теперь жрешь...

– Каждый крутится в этой жизни, как может.

– Ты убил Валеру?

– А ты как думаешь?

– Я не думаю – я уверен. Это ты его убил!

Прежде чем что-то сказать, Денис осмотрелся по сторонам.

– Кроме нас, здесь никого, поэтому скажу. Да, это я грохнул Валеру. Да, это я воспользовался твоим стволом. Да, это я подставил тебя... А хочешь, расскажу, как все было?

И он с наслаждением, во всех подробностях принялся расписывать, как стравил их с Валерой, как наблюдал за ними из своего кабинета. И как пристрелил Валеру, когда Егор отправился домой.

– Я же наизусть тебя знаю, Егорчик, – с чувством превосходства над повергнутым врагом усмехнулся Денис. – Как знал, что ты, придурок, выстрелишь тогда из ракетницы...

– Сука ты!..

– Ну и что? Зато я на свободе. Зато у меня куча денег.

– Ты продал магазин, это правда?

– Продал. И за хорошие деньги. И квартиру свою продал. И завтра меня в этом городе не будет... Доволен?

– Куда ты уезжаешь?

– Ха-ха! Ты что, искать меня будешь?

– Я тебя из-под земли достану.

– Не достанешь. И не пытайся.

– Урод!

– Лайся, лайся! Все равно укусить не сможешь. Потому что глупый ты. А я умный. Потому что не ты, а я подловил тебя сегодня. Как знал, что ты будешь следить за мной. Как знал, что ты появишься в этом подвале...

Мог бы и не объяснять. Егор и без того все понял. Денис – злой гений. Он просчитывает все на несколько шагов вперед. Иначе бы он просто не смог засадить Егора за решетку. И Валеру бы не смог застрелить без вреда для себя.

И сейчас он оказался на голову выше Егора. Договорился с бомжами. Чтобы те маякнули ему, если вдруг заметят что-то подозрительное. Они заметили. И маякнули. И вот итог. Егор в наручниках, Денис над ним с пистолетом в руке.

– В общем, брат, обыграл я тебя по всем статьям.

– Не брат ты мне. Волк тамбовский тебе брат, кавказская гадюка – сестра.

– Не знаю, не знаю. Там, куда я отправляюсь, таких не водится. Ну все, прощай, Егорчик. Я уезжаю в Москву, а ты отправляйся обратно за решетку.

– Эй, что ты задумал?

Но Денис уже не слушал Егора. Он повернулся к нему спиной и вышел из подвального отсека.

Минут через десять послышался шум шагов. Сначала Егор решил, что старик-бомж возвращается вместе со всей своей братией. Но слишком грозно и уверенно звучали шаги. Нет, это не бомжи.

Егор не ошибся. В подвальный отсек заглянули люди в милицейской форме. Послышались бодрые голоса.

– Точно, кто-то есть...

– Наручниками к трубе прикован...

– Ничего, сейчас...

Два матерых сержанта патрульно-постовой службы отсоединили Егора от трубы. Теперь наручники замкнулись на обеих его руках.

– Ты кто такой? – уже после этого спросил один сержант. – Документы есть?

– Нет... Потерял... – подражая старику, зашепелявил Егор.

– Ты под бродягу не коси, понял? – неожиданно больно пнул его ногой второй сержант. – Думаешь, мы не знаем, кто ты. А ну пошли, урод!

Его вывели из подвала, забросили в «уазик» и повезли в ближайшее отделение милиции. Там его ждал сначала «обезьянник». Затем появился какой-то офицер, внимательно сличил его лицо с фотографией на ориентировке.

– Он, точно он, – сказал кому-то. – Гражданин Иванов... Попался, голубчик?

Егор ответить не успел. Потому что офицер куда-то исчез. Зато появился сержант, пинками загнал его в камеру предварительного заключения:

– Посидишь здесь, мутило...

Скрипнули двери. Егор остался в камере один на один с гремучими мыслями.

Это Денис сдал его ментам. Вышел из подвала, звякнул с мобильного в ближайшее отделение милиции. За ним пришли. Его опознали. Скоро за ним придут. Отправят в следственный изолятор, оттуда по этапу отправят на зону. Четырнадцать лет плюс «пятилетка» за побег. Его личное дело перечеркнут жирной красной полосой. «Склонен к побегу». Девятнадцать лет на строгом или даже на особом режиме. Перспектива – мрачней не бывает.

А еще ему припомнят побег из квартиры Лены. Ведь он сержанта одного хорошенько помял. За это его самого помнут. Все что можно отобьют, на инвалидность как пить дать переведут...

Прошел день, наступила ночь. Но за Егором почему-то никто не приходил.

Дверь в камеру отворилась глубокой ночью. Появился тот самый офицер, который произвел опознание. Вид у него усталый. Как будто только что с постели подняли. С ним конвоир, который немедленно сковал Егора наручниками.

– Давай, в кабинет его ко мне...

Егора повели на допрос. Только какой допрос в час ночи? Да и не здесь его допрашивать должны. Сначала в СИЗО препроводить, там и следователь будет.

В кабинете его усадили на стол, лицом к офицеру. Он был в форме, на погонах три маленькие звездочки.

– Подставили тебя, Иванов, – устало сказал старший лейтенант. – Позвонили в отделение – сказали, что знают, где человек, которого вся милиция ищет...

Зачем он ему этого говорит? Ведь и без того все ясно.

– Кто тебя подставил?

– Известно кто. Дружок мой. Он меня вычислил, наручниками к трубе приковал, а потом вас вызвал... А ведь убить мог. У него пистолет был... Да и вообще, он убивать привык. Ведь это он убийство совершил, из-за которого мне пятнадцать лет дали...

– Значит, безвинно сел, так?

– Безвинно.

– А твой дружок мог тебя убить?

– Мог.

– Но ведь не убил?

– А зачем? Он меня в тюрьму упрятал, а сам в столицу слиняет...

– В тюрьму он тебя еще не упрятал. Ты всего лишь пока в камере изолятора временного содержания.

– Да какая разница? Все равно по этапу уйду.

– А хочешь?

– Что?

– На этап хочешь?

– А кто меня спрашивать будет?

– Я спрашиваю...

– Зачем издеваетесь, гражданин начальник?

– Я не издеваюсь. В общем, существует вариант один. Есть люди, которым до зарезу нужны такие люди, как ты. Сильные, боевые, ну и чтобы преданные до гроба. Ведь если эти люди сохранят тебе свободу, ты будешь им предан, так?

На какой-то миг Егору показалось, что он не в отделении милиции. А перед ним не мент, который обязан следить за правопорядком. Слишком странный разговор ему навязывают.

– Я вас не понял, гражданин начальник.

– А что тут понимать? Никто еще не знает, что задержан беглый зэк по фамилии Иванов. Мы еще никому не сообщили об этом. И не сообщим. Если, конечно, ты дашь согласие работать на людей, про которых я говорю...

В голове у Егора стало кое-что проясняться.

– А что я должен делать?

Его могли, например, подпрячь в гладиаторы. Есть такой вид развлечения для современных нуворишей. Выведут на арену какого-нибудь подпольного цирка, он будет драться. А толпа жадных до крови богачей будет наслаждаться этим зрелищем.

Или как в том фильме «Дикая охота». Его загонят куда-нибудь в лес, обложат со всех сторон. И будут на него охотиться. Охота на людей – удовольствие дорогое, за него платят большие деньги.

Если не это, то что-нибудь другое. Мало ли какую пакость можно придумать в отношении отчаявшегося и загнанного в угол человека. Именно таких людей и поставляет неизвестным этот «страшный» лейтенант. Не зря же о продажности ментов слагают легенды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.